

Герой Советского Союза старший сержант Юрий Бабанский: «Родина, твои границы неприкосновенны!..»

№ 10 МАИ 1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

ЛЮДИ И ГРА

Леонид ПЛЕШАКОВ,
специальный корреспондент «Смены»

Когда читатель раскроет этот номер «Смены», он будет достаточно хорошо осведомлен о мартовских мицдентах в районе острова Даманский. Газеты успели рассказать о тех, кто особо отличился при защите наших рубежей, назвали имена героических павших солдат, фамилии награжденных. 2 и 13 марта 1969 года уже стали строкой в истории нашей страны. Со временем о защитниках Даманского будут говорить так же, как сейчас мы говорим об участниках боя у озера Хасан, сопке Заозерной и Безымянной, как говорим о героях Халхин-Гола.

Я прилетел на заставу в Южно-Михайловке утром 16 марта. На границе стояло тревожное затишье, какое бывает только после кровопролитного сражения или перед ним. И на всем лежала печать вчерашнего дня, когда безумные мальчишки вдруг стали суровыми воинами, а ветераны, уже и раньше излазившие порою, снова показали будучую удачу.

Я уже знала о перипетиях боя на Даманском. Теперь хотелось взглянуть на самых участников его, которые вчера видели смерть своих товарищей, которые сами смотрели в глаза смерти, но выдержали, не дрогнули, победили.

Поинито, у пограничников такая профессия, что им первым приходится встречать удар врага. Поинито, они каждый был готов отразить его. Но, с другой стороны, большинство из тех, кто сражался на Уссури, связаны с границей короткими сроками службы. Они пришли сюда из деревень и городов Прибалтики и Средней Азии, Волги и Закавказья, Рязанщины и Сибири. Кончатся службы — они вернутся домой, к своим мирным профессиям, станут там же рабочими, колхозниками, инженерами, учителями, как и их сверстники. Выходит, это не какие-то особые герои. И будь тут другие их сверстники, из других городов и деревень, они поступили бы точно так же.

Мне повезло, знакомство с ними началось еще в дороге — я летел на границу вместе с фельдшером младшим сержантом Анатолием Козмыным.

Козин дремал, сидел в руках автомата, и не слышал ни нашего разговора, ни рева вертолетного двигателя. Он зверски устал. Вчера вывозил раненых с Даманского. Сегодня отправлял их с границы в госпиталь. Ему некогда было отдохнуть и ночью: ходил на поле боя, оказывал раненым первую помощь. Для отдыха ему остались только короткие минуты в расщелине вертолета.

— Откуда ты родом! — спрашиваю Анатолия.

— Пензенский, — отвечает он односложно.

— Ну как вчера, воевал!

— Пришлось. Четыре диска выкустил из автомата.

Сознаюсь, тогда меня удивило, что, по его словам, вчерашний бой выглядел какими-то обычным делом, будто занимался им Анатолий каждый день. После я приметил это же у других: очень быстро они перешли от мирной жизни к боевой. И теперь мыслили иными, чем вчера, категориями.

Кадровые командиры учили их и передавали им свой опыт. Они старались создать из них сплоченный, дисциплинированный коллектив, который отвечал бы особым требованиям границы. Они поощряли их за хорошую службу и выискивали за оплошности. В общем, обычные солдатские будни.

Дин 2 и 15 марта показали, что не пропал труд ни командиров, ни подчиненных. Они дали свой самый трудный экзамен на «отлично». И хотя сами понимали это, все-таки еще не могли забыть вчерашние, мирные мерки дел и поступков.

Подполковник Евгений Иванович Яншин, возглавлявший подразделение пограничников, защищавшее остров 13 марта, говорил журналистам:

— Это сражался лучше всех! Все воевали отлично. Никто не отступил. Все время приходилось сдерживать солдат, чтоб они, увлекшись, не дали необдуманно вперед. Неостервенные мальчишки, неопытные, но давшие раненым не уходить из боя.

И было в его словах не только восхищение своими солдатами, но и удивление, будто он увидел их заново.

— Старший лейтенант Манюсовский, — продолжал Яншин, — возглавлял группу разведчиков. Все время находился вперед. А когда создались

Наша обложка: Герой Советского Союза старший сержант Юрий Бабарский.

Фото Леонида ПЛЕШАКОВА

4

КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ: «ПРЕОБРАЖЕНИЕ».
Фоторассказ о величии
труда советского челове-
ка.

10

**В КАДРЕ — ЛЕНИН. «МО-
СКВА, 15 АПРЕЛЯ 1919 »**

16

Валерий Харламов: Сток-
гольмский чемпионат гла-
зами дебютанта.

20

**«ТРЕНИРОВКА НА ЧРЕЗ-
ВЫЧАЙНОСТЬ».** Статья
Веры Дорощевой о но-
вых исследованиях совет-
ских психологов.

28

**«ПО ТУ СТОРОНУ ФО-
КУСА»: из истории семьи
иллюзионистов Кио.**

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**КРУГОЗОР СОВРЕМЕННОКА.
диалог корреспондента «СМЕНИ»
с известным советским ученым
Виктором Чердынцевым**

**«ЗОЛОТОЙ РЕЙС» —
ФОТООЧЕРК О СИБИРСКИХ ПЛОТОВОДАХ**

**ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ
АКТЕРА ДОНАТАСА БАНИОНИСА**

**ФОТОРЕПОРТАЖ ОБ ОТРЯДЕ
СОВЕТСКИХ ПАРАШЮТИСТОК**

И. о. главного редактора А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКТОРЫ: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замошкин,
Р. Ф. Казакова, А. П. Кулецов, А. С. Ляров, А. А. Лиханов (ответ-
ственный секретарь), Е. И. Рабинович, Г. В. Семанов, С. С. Смирнов,
А. Б. Стуков (главный художник)

Художник-оформитель В. Соколов · Технический редактор Н. Будкина

критическое положение и нам нужно было перегруппироваться, он, уже будучи раненым, прикрыв огонь пулемета наш маневр. Так и погиб. Но многим спас жизнь. Герой!

Лев Маньковский служил замполитом заставы, а потому я решил спросить о нем у начальника политотдела подполковника Константинова. Александр Дмитриевич сам участвовал в бою на Даманском, потому думаю, ему легко будет рассказывать и о вчерашнем бое и о прежней службе своего подчиненного. Не зная я, что вопрос, заданный мной, мучил и самого Константинова. Он задумался на мгновение, будто размышлял и спорил сам с собой, потом сказал:

— Странным образом, мне частенько приходилось вести с ним не совсем приятные беседы: грамотный офицер, хороший человек, но какой-то несобранный. Понимаете, это шло не от нерадивости его, а от склада характера. Я думаю, что он по своей натуре не подходит для службы на границе. Тут нужно быть построже. А он не такой... Но вот вчера он сражался, и погиб героем, и был в бою самым дисциплинированным, и сам руководил бойцами отлично... Что тут добавлять...

А в про себя гродолжил его мысль: 1941 год для Константинова был годом начала большой войны, в которой он принял участие, для Маньковского сорок первый — год рождения. На Даманском эти представители разных поколений оказались рядом и действовали одинаково.

В тот же день мне пришлось беседовать с хирургом Владимиром Николаевичем Шарниным. Он годился бы в отцы не то что Маньковскому, но даже и Константинову. Прошел через конфликт на КВЖД, Хасан, Халхин-Гол, финскую кампанию, Отечественную войну. Он видел, как сражались не только отцы, но и деды нынешних солдат с заставы Юние-Михайловка. Он сказал, упрямая моя волея:

— Та же храбрость, та же воля. Я осматривал раненых. Некоторые в очень тяжелой состоянии, но ни одной жалобы. Только просьба: побыстрее поставьте на ноги, чтобы снова смогли идти в бой. Отличные ребята!

Так уж повелось: мерить стези в истории народов не только годами, но и поколениями. Наш комсомолец не ушел от этой похитной и оправданной традиции. Но вместо обычных двадцати лет он принял за единицу измерения десятилетие. Десять лет уходит на то, чтобы отрок стал мужем. В эти десять лет юности принято не только мечтать, но делами столбить свое место в истории страны, заявлять о своем будущем, отчитываться

перед предшественником. Десять лет — это даже больше звукоуемо взрослому телу нашего века, когда сообще прессы были быстротекущие времена.

Мы говорим: революция, индустриализация, Ответственная война, восстановление, цели, задачи, планы, колхозы и комсомолы, Перестройка и Инновации, Дипломаты и Магистры, молодых героев Сталинграда и Берлина, полководцев казахстанских степей и мастеров сибирских новостроек. Каждому из этих поколений достались свои трудности. Каждое оставило на земле, ставе ВЛКСМ свой орден.

И вот пришло новое время, что родился через несколько лет после победного сорока пятого. Время тех, для кого не только пятилетки и война, даже целина — история. Когда в Казахстане и на Алтае прокладывали первые борозды, вынашивая двадцатилетние ходили под стоп пошлым.

Из жизни о том, как жили в колхозах, колхозниках, о чем грехат там, старшие братья, отцы и деды, потом и кровью добывшие эту хорошую жизнь, порой срывались на упреки: вы растете не таким, какими были мы. И незаметно почти, чего тут больше — зависти чужому счастью или беспечности к своим, родившимся в трудные времена.

Конечно, некоторым упрекам молодые могли противостать употребляемыми доводами: если сами стану точной копией отца, повторят из дела, о том же будут думать — человечество останется в своем развитии. Могло бы и так идти дальше.

Что касается преодоления трудностей, то тут ответить было нечего. За их ответы Даманский: и в 1969 году найдутся свои двадцатилетние Павки Корчагины и Александры Матросовы.

В попытке провести простейший анализ биографий этих героев. Знакомился с ними: с их занятиями, радостью и сермяжками, с тем, кого связывает с границей профессия кадровых военных. Как я ни старался, закономерности у меня не получились. Некоторые из них успели поработать трактористами, шоферами, слесарями. Большинство не пришло сюда прямо со школьных классов, а поступило в техникумы. Многие из них пережили больше событий в жизни. Теперь в их биографиях появятся еще одно на обаяч черта: они защищали Даманский.

Мне хотелось еще рассказать и о том, кем мечтали они стать. Жизнь называла разные профессии. Паваны. Ну как ты об этом спросишь павшего! Ведь и через десять и пятьдесят лет он так и останется двадцатилетним рядовым, героем острова Даманский.

Мне позавидовал братишка оскомил, звавший короче комсомольский герой: сермяжники. Больше он полагал себя отаившим парнем. А товарищи рассказывали, что в жизни он был хорошим другом, душевным и требовательным, справедливым и принципиальным. После слухи бы мечта поступил в институт. Его записная книжка была исписана наизусть. Формулы, с которыми он работал, он знал наизусть. Он был силен короче удостоверения — награду звание «Юношеский спортсмен» и разорванную оскомил, в крови записку. На своей заставе Борис решил провести конкурс знатной спорта и написал шесть вопросов о разглагольствовании спорта и футболу. Простое задание: пять бутылки лимонада, пять банок сгущенки, три килограмма сахара.

Они любили лимонад и грибки. Они были еще мальчишками. Но в смертной жажде, не задумываясь, отдали самое дорогое, что есть у человека. С тем бы ни доводилось говорить мне о боях 2 и 15 марта, все так или иначе вспоминал Юрия. Юрия, который не был воевал, а был мастерски руководил этой горстью в тяжелом бою с маюстами, засевшими на острове. А ночью ходил на Даманский, чтоб под носом у врага вынести с поля боя погибшего накануне полковника Д. В. Леонова. Парень пришел через заставу, чтобы поработать на заставе. Он был смелым и ловким. Можно сказать: отменный солдат — был врага, оставался сам невредимым. Второе точное. Школу сержантов Бабынской окончив на отлично, служил не где-то там в исключительном случае. Это закономерность.

Еще не было Юказа о присвоении Бабыанскому звания Героя Советского Союза, но журналистика интуиция не обманывала газетчиков, собиравшихся на заставе: Юрий — настоящий герой.

Нам все время не везло: когда бы ни спросили о Бабыанском, ответ бывал двух вариантов: «Юрия я вярдале» или: «Юрий отдыхает после награды». Мы злились, но понимали: парень все ночь пролежал на границе. Когда он один из немолодых, что поработать не успел, а воевал в боях заставы Ивана Стрельникова. В 20 лет он стал ветераном, потому тяжесть обучения новичков легла и на его плечи.

Конечно мы встретились. Спрашиваю, кем был до армии. Он ответил: «Сначала был учеником. Потом инженером. Слесарь по ремонту химического оборудования. Не поработать не успел».

У него, как и у всех его сверстников, была пока обфессия для его поколения: биография: родился, учился, вступил в комсомол. Своя, личная, должна начаться позже, на заводе. Но я ни не успел поработать. Он написал первую страницу своей собственной биографии на Даманском. Он открыл ее поддогом.

— Какими были твои ближайшие планы?

— Отслужить — и за работу. Хотел в армии освоить автодело, чтобы стать еще и шофером.

Он прыгнул в окоп, рядом с собой положил ручную гранатомет и стал внимательно осматривать в бинокль противоположный берег Уссури. Ребята из его отделения звали его места делами по окопу.

Началась как из глубины на границе. Мы не хотели мешать. Мы ушли... Пограничниками. Мы не работали, не успели.

Свое имя от деревни Никите-Михайловны, применительно популяризации деятельности своих домов и самому берегу Уссури. С вершины невольской скалы, где расположилась застава, нырнула видна короткая деревянная опилка, рубленные крбы с огородами. Не поработать не успел. Слесарь по ремонту продолжает не особо наземная дорога, упрямаясь в заросшие дубником, липой, амурская бархатом и вязом где срослись сосны, доминирующие над округой. Своим крупным западным склоном они врезаются в Уссури. Видно, что это место, которое не успели развить, а только поворотом, но по уссури разбросано несколько островов, один из которых Даманский.

Из-за этих склонов из Никите-Михайловской пограничницы острова не

видно. Даже если залезть на ажурную металлическую наблюдательную вышку. Но зато по воде хорошо доносится оттуда всякий звук.

Так было и 2 марта, когда выстрелы китайских автоматов услышали и в Японии, и в Китае.

Трое ее жителей, трое народных дружинников Агдеевы — Дмитрий, его двоюродный брат Анатолий Григорьевич и одноклассник Геннадий Васильевич — сразу кинулись на заставу. У них было и бы жизнь на границе, необычность ее воспринимать у жителей острова Британского. Услышав выстрел на Даманском, Агдеевы сразу поняли: все нарушена граница, идет бой, застава нуждается в их помощи. И они поехали пограничникам.

Мне хотелось посмотреть с ними. Хотелось посмотреть на жизнь мирной деревни в последние дни войны. Хотелось поговорить, рассказать эти люди, как они думают жить, что делать на этом крошечном острове.

Вот и крайний дом. В огороде крапивола тут. Курь деловито разгребает талую землю. В закутке позвизгивает поросенок. Навстречу нам идет старик в синем плаще. Хотелось поговорить с ним. Солдатик из дружинников колхоз в Бининском районе. Бининский район Хабаровского края — сосед Иманского района Приморья. Так что колхоз, которому мы тогда позвизгивали, совсем недалеко от заставы в Никите-Михайловне.

Да, это остров. Да, это остров. Да, это остров. Острова по реке. На том берегу — китайская деревушка, люди рыбаков, ребятишки пеклись на отмени. Далеко став китайских гусей приплывали к нам на корытце, что вечером уплыть и себе домой.

Вот и пограничная застава. Визгивали пограничной заставой. Это была провлащившаяся перед войной заставой. Весной 1939 года японские самолеты нарушили границу и высадились с бронетанка на наш остров. Путь им преградил пулемет отаивного пограничника Михаила Юндина. В тот же день японцы захватили остров. Но враги не прошли, оставили на поле боя убитых и раненых. С тех пор застава носила имя героя-пограничника.

Так вот, мы жили в хазаре бывшей заставы. Днем работали на полях, а вечером ходили на Уссури купаться. Понимайте: граница, застава, но мы жили в хазаре бывшей заставы.

Хотел и еще посмотреть с ними. Хотелось поговорить, рассказать эти люди, как они думают жить, что делать на этом крошечном острове.

Хотел и еще посмотреть с ними. Хотелось поговорить, рассказать эти люди, как они думают жить, что делать на этом крошечном острове.

Хотел и еще посмотреть с ними. Хотелось поговорить, рассказать эти люди, как они думают жить, что делать на этом крошечном острове.

Хотел и еще посмотреть с ними. Хотелось поговорить, рассказать эти люди, как они думают жить, что делать на этом крошечном острове.

Хотел и еще посмотреть с ними. Хотелось поговорить, рассказать эти люди, как они думают жить, что делать на этом крошечном острове.

Хотел и еще посмотреть с ними. Хотелось поговорить, рассказать эти люди, как они думают жить, что делать на этом крошечном острове.

Хотел и еще посмотреть с ними. Хотелось поговорить, рассказать эти люди, как они думают жить, что делать на этом крошечном острове.

Хотел и еще посмотреть с ними. Хотелось поговорить, рассказать эти люди, как они думают жить, что делать на этом крошечном острове.

Хотел и еще посмотреть с ними. Хотелось поговорить, рассказать эти люди, как они думают жить, что делать на этом крошечном острове.

Хотел и еще посмотреть с ними. Хотелось поговорить, рассказать эти люди, как они думают жить, что делать на этом крошечном острове.

Хотел и еще посмотреть с ними. Хотелось поговорить, рассказать эти люди, как они думают жить, что делать на этом крошечном острове.

Суздальский звон

Снова от утра и до утра,
будоража улиц тишиною,
в Суздале звонят колокола
так же,
как когда-то в старину.
Из какого века этот звон,
из какой войны,
беды живой
звон всполюшней,
звон сторонней
и этот век глобальный занесет!
Малые ударили справа,
звоние — во всю! — колокола;
и ударил
главный —
и листва
звон тот над домами понесла.
От тяжелой меди весь гудел
Суздаль златоглавым куполом,
и зазелели крышам,
воздух пел,
и гудели крылья у орлов.
От зари звоня и до зари,

если шла на Русь
войною степь,
глядели от набата звонаря,
чтоб еще сильнее
гудела медь.
В Суздале колокола гудят,
грозно соргаса купола.
Это страшно все ж,
когда молчат,
в час беды молчат колокола.
Колокол заглушили,
громче вдарил!
Чтоб поспалась с деревьес тишь!
Это надо иною ты гудишь,
это глосну я
как тот звонаря!
В Суздале с утра и до утра
звон тот куда плывет —
не наугад,
где березы, как колокола,
от весны
до осени звонят...

Во мне каждое утро просыпается почему-то

кто-то нервный,
и я вспомянать начинаю,
что утро есть утро,
а линия есть линия,
что солнце я вижу впервые,
и вижу впервые я небо,
не помню слов и не знаю,
и солнце солечко —
все это
сам придумываю
и называю!
И я весь мир счиста принимаю
спросанок
и с небом и с полем,
и каждое утро я просыпаюсь
ребенком,
каким себя и не помню!
А сердце, а сердце, как радия
позванная,
настроилось чутко на отзыв,
и я вспомяну, что жил я вчера,
сад весь самого вспомяну,
как листья и звезды.
Весь мир вспомяну
и называю снова и снова
упрямю,
чтоб яруду родилось во мне
единственно верное слово,
единственно нежное —
маня!

Жажда

Это полдень и жажда на меня
назлымилу разом,
я иду; и мерещатся мне то дождик,
то шорохи,
и кажется:
мне, уходящему, вспед желтоглазьем,
как вспед уходящему солнцу,
смотрят подсолнухи.
Я иду, и мне кажется
скоро над степью разгуляться,
и подымут из трав голоса свои
звоние заблбки,
и что это не солончак, а веселение
луницы,
где пускают мальчиши
из смикх тетрадок кораблчки,
Каждый лог обернется то луговой,
то песковой,
и оглохший от зноя спотыкаюсь —
и далее шастаню.
Я теперь понимаю, что встретился
с засухой,
это полдень меня переполнил
великою жаждою.
Слышу я, как от жажды сердце
во мне переклоло.

Где вода!
Дайте мне поскорее прохлады
и воздуха.

Я теперь понимаю
на ветер упавший подсолнух,
я теперь понимаю цветы,
что на цыпочках тянутся к дождичку.
Улеся ветер на землю солончакую
и облака,
как листья упавшие высыхли заживо.
Обожженная даль
лежит за бурями подновою,
даль сменяется далекою,
как жамда сменяется жаждою.
Миражи сменяются миражами
среди раскаленного воздуха.
Через пекло иду,
иду до последнего края,
хотя переступаю годним
высокогого, звездного возраста,
но шагаю туда я, где жамда,
от жажды сгорая.

Живя от тебя вдаль,
я берегуся печалью —
разлуку нас берегилки,
встреч нас разлучилки.
Чтобы меня ждала,
забы обиды и ссоры,
весна на вазаз загла
зеленые самфарафоры.
Я вновь к тебе тороплюсь
из своего оиданья,
и давняя моя грусть
твоей осветилась ранью.
Ты равность мою спласс,
спласс меня из забвенья,
смененная моя прости,
прости мои поражения.
Казалось мне, что вот-вот
влюблюсь я навеки и насмерть —
так забивается поздний лед
о прохладный айсберг.
И я, прозравая вдруг,
желаю такой судьбы всем,
чтоб выслапали
из разлук
белые хлопья писем...

Идол

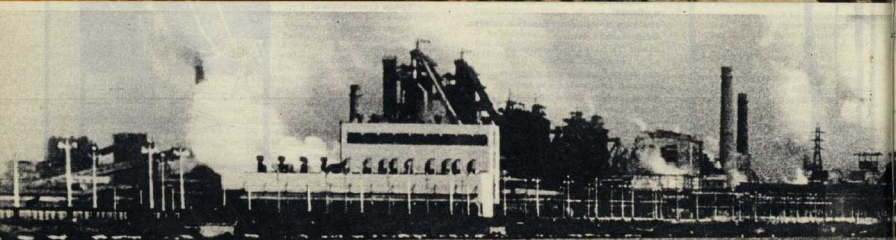
Я этот камень выдл
среди желтого песка,
где прошлое,
где идол —
без глаз и языка.
Живет в пустыне ровной
седых веков печаль —
и видела безмолвно
одну и ту же даль.
И среди славы забойки,
среди суеты ториеста —
одна и та ж улыбка,
единственный тот жест.
Под желтою погодой
переклинка века
безвестного народа
безвестная тоска.
Он ждет,
и если снова
радзается стук копны,
то каменное слово
с губ каменных сплетит...
И в неподвижном свете
среди ветров сухих
бессмертные столетья
глядят из глаз слепых.

Пока ты глух
и слово немое,
ждет, чтобы вырваться, труба —
то палмать
личная планета
кружит по прошлому тебе.
Не останется кружение,
не останется юла.
Она в короткое мгновенье
всего,
всю жизнь твою svela.
На ней все прекиним остается —
и зло твою
и добрый путь.
О, сколько раз еще придется
градующий день
в нем вернуть!
И сколько б жизнь ты ни мтожил
но с ней идон,
с глазу на глаз
тот день,
что наскоро ты проинил,
перевьешь еще сто раз.
И все, что ты легло и престо
забыл,
она, на страх и стмд,
она вернет тебе —
и грозно
и беспощадно повторит!

Взгляну, словно со дна колодца,
в себя,
увидишь, как в тиши
универсала создается
в тебе лицо твоей души.
Гладись до боли и до резки
в глазах,
глядяща твоеию ты,
как с каждым днем старей и резче
становится его черты.
И ты, что не робел ни разу,
тут оробеешь, до конца
увидел горную гримасу
вместо сполойной лица.
И на него недвойной маски
ты не надеешься — не жтми!
Оно — твоё! И без опаски
хота и трудно,
но сморти!
Ведь понимать ты должен трезво,
что барельеф
с прямым лицом
жизнь лижет, нет, не по железу,
а по живой душе резцом!

ПРЕОБРА

Михаил МИХАЙЛОВ

...Ты раскрываешь утром газету и видишь фотопортрет всей земли цеником, возвращенный нам же близким носом... — картину поразительно красоты: силы весенней реини воздушных океанов проступают линии материков и контуры океанов земных; воображение раздвигает краски, ощущает движение и полет нежного глобуса, и только трудно представить себя самого где-то там, под пуховым одеялом атмосферы, в про свете ураганной улитки. Ты закрываешь газету, и ты переводишь взгляд за окно, видишь городской двор, улицу или деревья в саду, столб с проводами, слышишь шум машин, голоса детей и птиц, и внезапно дух у тебя захватывает от любви к этому привычному и привыкшемуся пейзажу, словно ты слетал на Марс и вернулся в вихорух запад родного дома, весенней земли. И как щемце-очелюстка, как осознания станет в такую минуту красота и ценность обычных вещей: дома, окна, дерева, зелень водопы с дорожным знаком. Нет, думаешь ты, в глобальную красоту земли входит и это место, этот дом и дерево, и ты сам, и то, что сделано тобою, и твоим отцом, дедом, и далеким пращуром, который впервые согрел клочок земли и воздуха огнем костра, и вытесал первый камень, и вырыл человека.

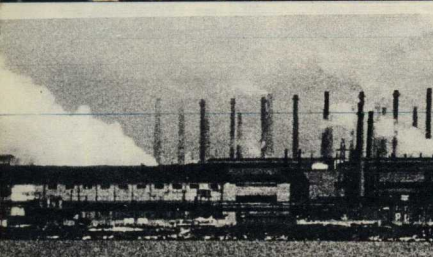
И вот уже воображение несет тебя над миром, и не нужно многого, чтобы представить себе, увидеть воочию, как соседствуют, сосуществуют создания природы и человека, стихийное и разумное, извечное и сиюминутное: новое шоссе в древних горах, завод в тайге, буровая в море, самолет над Эльбрусом. И надо ли говорить, сколь многого достигло человечество, и как человек, на заре своей эры САМ однажды добившись огня, не устал приручать и создавать то, чего не знала природа: от каменного топора и ринкуна в пещере до телевизора и искусственного сердца.

Человек вступает в битву с природой, ведомый необходимостью. Его право срубить дерево или поймать рыбу определенно древней борьбой за существование, его разум позволяет ему выступать в роли хозяина, инженера, строителя и преобразователя, хотя, к сожалению, как мы это знаем, порой он бывает нерасчетливым в этом бою с природой, рубит сук, на котором сидит, и тогда природа, как правило, жестоко истязает за хищничество и глупость: за нарушение неписаного договора о симбиозе всего живого, и похоловший ветер поминает бурю — часто в прямом смысле этого слова.

Человек не может не преобразовывать природу. Едва ли не лучший пример и доказательство тому — пятидесятилетний процесс преобразования, идущий в нашей стране, где с первых шагов остро необходимого вмешательства человека в «мир боинга» был запрещен и запрещен хищнический, варварский подход к делу и где, наконец, впервые в мире не интерес хозяйника-грабителя с его сомнительным правом на землю стали определять взаимоотношения природы и человека, а интерес народа, нации, страны. Было дано слово науке, а не наживе, разуму, а не голому расчету. И сегодня мы наступаем и продвигаем эту великую работу, в фундамент которой заложены ленинские декреты.

Как велика и прекрасна наша Родина! Чего только нет у нас! Преобразование и благоустройство вошли в нашу плоть и кровь, каждый день и час миллионы людей заняты изменением земного лица. Нужно ли и возможно ли перечислить здесь все, чего у нас не было и что есть теперь? Вот стоит человек над долиной, сигналом расклина руин. Совсем недавно мирная взрыв потуже горы, и картина этого места стала иной, плотина пререзала ущелье, и человек, как истый мастерской, марит взглядом точность работы взрыва. Не таному ли взрыву в беспешных пространствах истории подобны советские повстанки? Сегодня, случается, посещаешь их в качестве туристов русские эмигранты, старушки и старички, — их можно уподобить людям, которые полвек назад замирали глаза от страха и лишь с сегодня отбрыки снова отважно взглянуть: что же случилось? И для таких людей, представителей одного человеческого поколения, понятие кажется, что мгновением взрывной силой созданы в Советском Союзе огромные и старички, и бесчисленные дороги, по которым бегут аэнтропоезда, фантастической величины гидростанции, моря и каналы, заводы и институты, целые государства шахт, домен, нефтепромыслов и рудников. И армия, и флот, и наука, и культура, и бескрайние дальние ладные железными машинами поля, и виноградники, и новые деревни, белеющие вдоль дорог.

У строителей это называется «мачаче с нуля». Потом, изменяя линию горизонта, человек воздвигает заповед.

В стране теперь работает свыше сотня тысяч заводов и фабрик — это и новая экономическая мощь государства и новая эстетика, эстетика индустрии, ставшая неотъемлемой частью пейзажей нашей Родины. Эта эстетика — в силуэте циклопической градирни химкомбината, в частном трубе металлургического завода, в загадочном здании ускорителя элементарных частиц...

Но мы, конечно, хорошо знаем, что не в одну ночь и не одним Басиниса Прирамской построены наши дворцы, сотнями наших новьри и вынованы наши доспки. Великим трудом, великим потом и неважной кровью достались они народу.

Красивы сами по себе море, небо, река, горы, баля наши эмпонии отпываются на красоту земли, как самый чуткий аппарат. Природа, по выразлению Пушкина, равнодушна. Но мы не бываем равнодушны и ней, хотя бы потому, что мы ее дети. И потому, что она величественна и прерисна даже в суровости своей. Но разве для нас, современных людей, живущих в двадцатом веке, существует природа в чистом виде? Да и вообще тогда-ни-

Мосты красивы всегда, — они словно яркий мазок, завершающий пейзаж.

Сквозь окошко тайги — окна молодого Амурска.

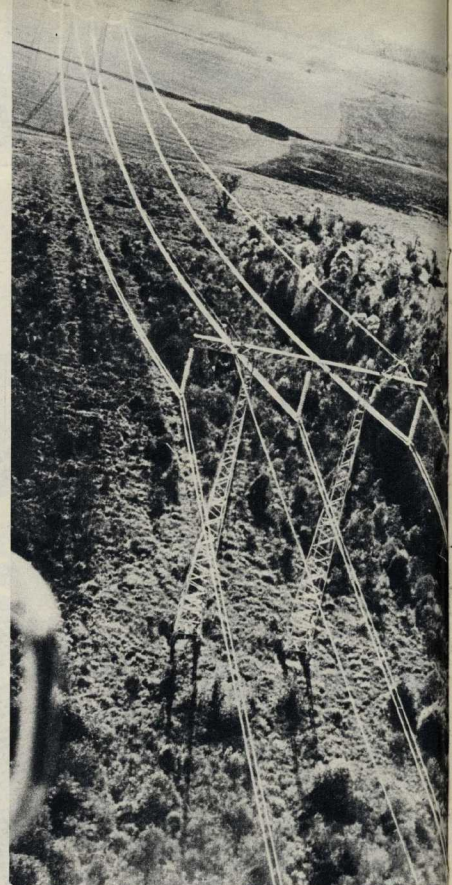
Сибирь, две дороги... Одна обнимает дугую.

Волга-грузчица.

Ударная комсомольская...

Будь за всю историю человеческого общества разве существовал «голый человек на голой земле»? Разве с самого рождения не оказывается мы в окружении в е щ е й, сделанных человеческим руками? Вещи или машина, как известно, тоже равнодушны к человеку, но наше отношение к ним тоже глубоко эволюционно, как и к природе и ее явлениям. И разве не видим мы красоты современного самолета, или бетонной геометрии нового здания, или поезда, бегущего по акведуку, или красоты фантастического хитросплетения прибора в тубе оптической установки, или платины, «вписанной» в берега, или портового крана? Кинооператоры, снимая старинный сюжет в современной городе, не могут найти дома без телеантенны, художнику трудно написать поле ржи, через которое не шагали бы мачты ЛЭП, деревней покой Волги, или Енисея, или Амура потворжен речницами, сплавщиками, строителями — ридутся.

Если мы не слобы, то создаем, разумеется, красоту и глубинный смысл танца сочетания; можно

только гордиться и радоваться, что разбегаются по величии нашим просторам дороги и провода, в медвежьих углах опускаются вертолеты, пастухи в высокие горы слушают трансисторы. Но вместе с тем больно наполняется сердце, когда видишь, как нерадивость, равнодушие, косность разрушают союз человека с природой, когда мы одно лечим, а другое калечим. Запасной дык, промышленные сбросы в моря и реки, варварский лов рыбы, безответственное отношение к ловам, к лесу, к животному миру очень часто приводит к тому, что деятельность иных преобразователей приносит нам и с а м и больше вреда, чем пользы.

Нет, преобразование земли непременно влечет за собой бережное и умное к ней отношение, умение предвидеть, умение строить, не разрушая полезного и прекрасного. Настоящие строители так и поступают: если им необходимо вырубить дерево, они в другом месте сажают два. Настоящий рыбак отпустит назад пойманного малька, а настоящий охотник не убьет заповедного зверя. И надо решительно вытравить из сознания ту вар-

варскую и разудалую мысль, что всего у нас много, не обидеем. Нет, нам еще много строить, обживать новых мест и тем самым маршруты их географии, флору и фауну, и поэтому, как говорит сегодня ученые, надо крепко подумать и все взвесить, даже обживать тысячелетнюю пустыню. У молодого человека, у завтрашнего строителя, землетрохода, парикмахера новой работы, особенно острыми должно быть чувство бережливости и заботы и ответственности. Сегодня, и завтра, и еще через пять, десять, двадцать лет новые и новые тысячи молодых людей поедут на Север и Дальний Восток, в Сибирь, и на Памир — строить и создавать свою Родину, одновременно создавая самих себя. Только в этом году на карту страны нанесено, например, 108 «удачных нисомольских»: Вот они, маршруты преобразования: Шудинское и Тонтогуз, Дорогобум и Толыттин, Сумгаит и Тюмень (истати, в одной Тюменской области — шесть нисомольских строен). Да мало ли! Развиваются и растут наша энергетика, черная и цветная металлургия, химия, нефте- и газодобыча, ва-

шинстроение, ирригация, железные дороги и т. д. Всюду нужны руки, везде хватает дел. И каждая новая стройка ищет свое место, свой адрес, свои условия, — она становится частью существующего природного комплекса, и забывать об этом не надо.

Пусть новые наши города и плотины, дороги и заводы укрывают нашу землю, нам украсили ее Днепророзь, Братск, Комсомольск. И пусть растет в нас чувство родства во всякому уголку нашей страны, любовь и тому месту, где приходится нам жить и работать, потому что бывает еще и так, что дереву под своим окном для человека — святыня, а в другом далеком месте и всю тайгу вокруг не жаль под пилу пустить.

Правда, случается и обратное: романтика дальних мест окружает их особым ореолом, тебе кажется, что только там твое место, там раскроются твои способности, а здесь, рядом, в твоем городе или селе, нет ничего достойного внимания, не к чему руки приложить. Но ведь это не так: преобразование Родины затрагивает каждый ее уго-

лок, и мы видим, как на глазах меняются с детства знакомые места: растут дома новой высоты и формы, по-новому выглядят магазины и улицы, меняются одежды и моды, новые машины бегут по новым дорогам, дети идут совсем в иную школу, и даже биварь у них другой, а ведь над всем этим думают, все это делают твои соседи, родные, друзья и ты сам.

Жизнь и время динтуют свои законы, темп общих изменений все стремительнее, и надо ощущать его, надо слышать звук метронома, отсчитывающего секунды, — пусть время не идет даром, потому что готово место и для тебя — рабочее место, которое надлежит занять. Это великое счастье, самое большое на свете: найти свое место! Взгляните на наш последний снимок. Какое здесь небо! И какое счастье двигаться вперед, какой важный смысл в необходимости продолжать дорогу! И как все накрепко и навечно связано: природой, человеком и то, что создается человеком! И какой ясный и чистый горизонт — наше будущее.

*Декаст в Каракум.
Линии электротрансферда.
Доброго пути!*

Фото Александра БЛОХИНА, Альберта ЛЕХМУСА, Василия МИШИНА, Александра НАГРАЛЬЯНА, Виктора САНКА, Владимира ШИНА, Виктора ЯКОВЛЕВА.

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ

В КАДРЕ — ЛЕНИН

Москва, 15 апреля 1919

Третий рассказ М. П. ЕРЕМИНА,
исследователя кинофотолетописки
жизни В. И. ЛЕНИНА,
записанный нашим
корреспондентом Алексеем
Фроловым

Но на снимке Соловьевых указать не удалось...

Может быть, и стерся бы в памяти этот, в сущности, мимолетный разговор, если бы не случай, заставивший обрести подробностями маленькую деталь.

Не помню уже, по какой надобности я искал XXXIV Ленинский сборник. И прочел там вот этот документ:

«Разрешается Юлию Николаевичу Соловьеву иметь с собой и вывезти из Петрограда принадлежащую ему винтовку за № 52604, помещенную 1915 году».

Председатель Совета Нар.
Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)
10 марта 1918 года»

Этот снимок и событие, запечатленное на нем, хорошо теперь известны. Но мало кто знает историю, начало которой относится к марту 1918 года, а именно к десятому марта, когда молодое Советское правительство порешило из Петрограда в Москву. Эта история связана с сегодняшним снимком. И, собственно, о ней рассказ.

Но прежде о фотографии, которая сейчас перед вами. Она сделана в Москве, на Таганке, 15 апреля 1919 года. В этот день В. И. Ленин и М. И. Калинин (на фотографии он рядом с Ильичем) приехали на торжестве по случаю вручения Красного знамени курсам красных командиров тяжелой артиллерии. После торжества сфотографировались с курсантами на память. Вот, пожалуй, и все о событии...

Рассматривая однажды ленинские фотографии с одним из ветеранов Советской Армии, а, как водится, спросил своего собеседника, не известны ли ему какие-нибудь подробности, связанные со снимком 15 апреля.

Выяснилось, известны. Вернее: известна. Единственная. Не так чтоб уж очень значительная, но не лишняя, во всяком случае, интереса. Старый краском сказал, что в свое время ему называли имена многих курсантов и командиров, сфотографировавшихся в тот день с Лениным, но запомнил он только двух — братьев Соловьевых, Юрия и Юлия.

— Понимаете, братья учились на одних и тех же курсах, да и имена схожи: Юрий и Юлий...

«Юлий Николаевич Соловьев... А не один ли это из братьев Соловьевых, о которых когда-то обмолвился старый краском?» — подумал я.

Предположение, конечно, было заманчивым.

Но мало ли Соловьевых Юлиев на свете! Тем более, что один был москвичом, другой, судя по ленинскому документу, — питерецел. Хотя...

Я еще раз перечитал ленинскую записку, подчеркнул слова «иметь с собой и вывезти...» и дату «10 марта 1918 года». Ведь именно 10 марта поездом 4081 Советское правительство поедет в Москву. Не означает ли слово «вывезти», что и Соловьев Юлий Николаевич отправится с правительственным составом в новую столицу! Вполне возможно. Гипотеза получалась довольно стройной, если учесть и тому же, что на московских курсах Соловьев учился в девятнадцатом году. Итак, пусть эта гипотеза станет рабочей.

Вам, наверно, понятны и то воление, и то нетерпение, и желание как можно скорее добраться до истины, которые овладели мной. Ленин разрешил некоему Соловьеву иметь при себе винтовку. За какие заслуги! Какова здесь предыстория! Что кроется за одним из многочисленных ленинских документов! Наконец, как сложилась судьба Юлия Николаевича и имеет ли он отношение — в действительности, а не предположительно — к московскому Соловьеву, а значит, и к снимку 15 апреля 1919 года!

После вручения Красного знамени Владимир Ильич Ленин и Михаил Иванович Калинин сфотографировались с курсантами и командирами курсов на память.

Разумеется, на все вопросы мы бы ответили здесь, в Петрограде! Почему именно его, Соловьева Юлия, оставляют? Может быть, и «положение не возмужет его! Командит может сказать об этом в утешение молодому бойцу. Может быть, у оставшихся отберут винтовки и распустят по домам!

Часовые Ленина спешат высказаться каждый свое. Замолкает, услышав приближающиеся шаги из кабинета.

— Здравствуйте, товарищи! — быстро и негромко произнес Владимир Ильич.

— Здравия желаю, товарищ Ленин! Здравствуйте, Владимир Ильич! — Два приветствия слились в одно.

— Ну что же, товарищи, сегодня отмечаем! Последний день в Питере!

— Так точно, товарищ Ленин, — поспешил ответить стралок. — То есть не совсем так, товарищ Ленин. Вот моего молодого товарища не берут, оставляют здесь.

— А что такое! Почему! Да что с вами, товарищи! — обратился Владимир Ильич к опустившему голову молодому красноармейцу.

— Не сразу оправимся от слезунина, Юлий Соловьев ответил:

— У меня много отобрать винтовку и отправить стралок. А его отец — старый революционер, работает в Высшем Совете Народного Хозяйства, бывает на заседаниях у Владимира Ильича... Он много рассказывал о работе в подполье при царском самодержавии...

Нет, он, Юлий Соловьев, тоже хочет быть там, где его друзья, где его отец.

— А мы сейчас все и решим... Заходите, мо-

кому всего только 17 лет от роду, останется здесь, в Петрограде! Почему именно его, Соловьева Юлия, оставляют? Может быть, и «положение не возмужет его! Командит может сказать об этом в утешение молодому бойцу. Может быть, у оставшихся отберут винтовки и распустят по домам!

Часовые Ленина спешат высказаться каждый свое. Замолкает, услышав приближающиеся шаги из кабинета.

— Здравствуйте, товарищи! — быстро и негромко произнес Владимир Ильич.

— Здравия желаю, товарищ Ленин! Здравствуйте, Владимир Ильич! — Два приветствия слились в одно.

— Ну что же, товарищи, сегодня отмечаем! Последний день в Питере!

— Так точно, товарищ Ленин, — поспешил ответить стралок. — То есть не совсем так, товарищ Ленин. Вот моего молодого товарища не берут, оставляют здесь.

— А что такое! Почему! Да что с вами, товарищи! — обратился Владимир Ильич к опустившему голову молодому красноармейцу.

— Не сразу оправимся от слезунина, Юлий Соловьев ответил:

— У меня много отобрать винтовку и отправить стралок. А его отец — старый революционер, работает в Высшем Совете Народного Хозяйства, бывает на заседаниях у Владимира Ильича... Он много рассказывал о работе в подполье при царском самодержавии...

Нет, он, Юлий Соловьев, тоже хочет быть там, где его друзья, где его отец.

— А мы сейчас все и решим... Заходите, мо-

«НАСЛЕДНИКИ ЛЕНИНА И ТЕЛЬМАНА»

ПОДВОДИМ ИТОГ МЕЖДУНАРОДНОЙ ВИКТОРИНЫ

Журнал «Смена» в № 19 за 1968 год опубликовал условия международной викторины под девизом «Наследники Ленина и Тельмана», посвященная 50-летию Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. Викторина должна была помочь советским юношам и девушкам более полно узнать жизнь Германской Демократической Республики — первого в истории Германии социалистического государства рабочих и крестьян, еще ближе познакомиться с молодежной организацией ГДР — Союзом свободной немецкой молодежи, а молодым людям ГДР — подробнее и лучше узнать о ВЛКСМ, его истории, делах советской молодежи.

Конкурс был двусторонним и проводился в СССР «Сменой» и обществом друзей «СССР — ГДР», а в ГДР — журналом «Небес любви».

Редакция «Смены» получила сотни писем со всех концов Советского Союза, что свидетельствует о большом интересе советских читателей к жизни и делам молодежи ГДР. Среди участников викторины люди самых различных возрастов и профессий: рабочие, сельская молодежь, студенты, аспиранты, ученики средней школы, воины Советской Армии, врачи, преподаватели, инженеры.

Подавляющее число участников викторины дало правильный ответ почти на все вопросы. Особенно подробными и интересными, на наш взгляд, являются ответы на четвертый вопрос — о немецко-антифашистских, которым за мужество и отвагу, проявленные в борьбе против гитлеров, было присвоено звание Героя Советского Союза. При подведении итогов жизни конкурса учитывалось глубокое знание жизни молодежи ГДР, привлечение дополнительных материалов: выдержки из документов, вырзки из журналов и газет, рассказывающих о жизни молодежи ГДР, личных впечатлений от поездок в эту страну, а также иллюстративных материалов, дополняющих ответы на вопросы викторины.

Промотрив все письма, присланные на конкурс, жюри вынесло единодушное решение о присуждении призов викторины — туристских путевок в Германскую Демократическую Республику — двум участникам, чьи ответы полностью отвечают всем требованиям викторины:

Людмиле БУРАВЛЕВОЙ, студентке Воронежского государственного университета;

Наталье СОСНОВСКИХ, студентке Свердловского педагогического института.

Кроме того, поощрительными премиями за наиболее подробные и интересные ответы награждаются следующие десять участников викторины:

СОКОЛОВ В., Ленинград (сотрудник музея);
ГУБИИ И., Иваново (аспирант);
СУХАРЕВА Н., Свердловск (учительница);
БАХМАТОВ А., Минск (инженер);
СКОРОДНОВА М., Пермь (студентка);
ХАХУЛИН З., Донецк, Ростов, обл. (слесарь);
КОЗЛОВСКИЙ В., Кемеровская обл. (слесарь-монтажник);

ИСАЕВ В., Оренбургская обл. (учитель);
ЛУНИН В. В., Курганская обл. (учительница);
ПЕТРАЧЕНКОВА А., Ленинград (студентка).

Редакция журнала «Смена» поздравляет победителей викторины. Не имея возможности ответить на все многочисленные вопросы, редакция благодарит всех своих читателей, принявших участие в международной викторине «Наследники Ленина и Тельмана».

СОВЕТ НАРОДНИКОВ Коммунаров.

№ 4001.

*Возрадовал Юлий Соловьев
Сидеть сиди с сои - биде ч
Возрадовал чинит биде чин
в 1968, авторство Юлий Соловьев*

*Юлий Соловьев
1968*

44371

Записка, которую Владимир Ильич передал правительству в Москву.

сарем и другим лицам, отправляющимся с поездом № 4001. В письме указывалось, что поезд будет подан на Цветную площадь, неподалеку от Николаевского вокзала, и что отход 4001-го назначен на 10 часов вечера 10 марта.

В четыре часа дня на пост у кабинета Ленина пришла смена: пополнил солдат со значком латышского стрелка и молодой человек красногвардеец из Питерских — Юлий Соловьев. Не успели ступить шаги удаляющейся сменки караульных, как в дверь кабинета поспешно приблизился командант Смольного Балтийского матрос Мальков.

— Ты, Соловьев, — обратился Мальков к младшему, — останься на посту один. Принять больше к товарищу Ленину никого не пропускать без записки управляющего делами Бонч-Бруевича. А Сидигу, — Мальков посмотрел на поющего солдата, — с поста сбавляю. Сидига поедет с поездом Совнаркомка. Мы с тобой, Соловьев, останемся. Поедем попозже.

Как можно спокойно отнестись к такому: латышский стрелок едет с поездом Ленина, не отстает от Ленина даже в путь, а другой, тот

Юлий Соловьев в день переезда Советского лодой человек! — И Ленин пригласил его в кабинет.

Через несколько минут Юлий вышел от Ленина. В руке у него бумажка, совсем маленькая бумажка. Березию сжимая двумя пальцами левой руки, держит он ее на весу — еще не просохли чернила.

— От самого Ленина... Даже номер винтовки написал. Сказал мне: «Взй эту винтовку заволавай, молодой человек! Извольте, назовите номерок ее и что там еще на клоним!» Так и записал: «...принадлежащую ему винтовку № 5268А...». А когда подал записку, говорит: «А номеру бумажку у нас не будет — канцелярия уже на вокзале, а какой-нибудь ставить не будем, надеемся, что поверят и без номера».

Вот, в сущности, и вся история первой встречи Юлия Соловьева с Лениным и историей ленинской записки. Как и когда произошла встреча вторая, вы уже знаете. Добавляю в заключение, что, когда я уже прощался с Еленой Юльевной, она показала мне на апрельской фотографии 1919 года обоих братьев.

Так закончился еще один поиск.

— КАКОВЫ ИТОГИ У ВСЕОСОБНОГО СОВЕЩАНИЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ? КАКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ БЫЛИ В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ МОЛОДЫХ ПРОЗОВ, ПРОЗАНКОВ, КРИТИКОВ, ДРАМАТУРГОВ?

— УТО МОЖНО СКАЗАТЬ О НОВЫХ ИМЕНАХ, ОТКРЫТЫХ В ВСЕОСОБНОМ СОВЕЩАНИИ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ?

НА ЭТИ ВОПРОСЫ «СМЕНЫ» ОТВЕЧАЮТ БОРИС РУЧЬЕВ, ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ, АФАНАСИЙ САЛЫНСКИЙ, ИГОРЬ МОТЯШОВ.

Борис РУЧЬЕВ:

ХАРАКТЕР— ОПОРА ТАЛАНТА

— А я знал, что вы об этом спрашиваете... Борис Александрович Ручьев, тяжело опираясь о правый стол, из огромной книжки рукописей и книг участником своего семинара именованному тоненькую книжечку, подперая ее на ладони, будто взвешивая, вспоминал прочитанное.

— Да, вы правы,— сказал Ручьев.— За последние годы необычайно вырос так называемый профессиональный уровень, теперь даже вы все пишут неплохо. И для несведущего человека много бы показались странными, что, сообразившись вместе, мы вполне можно говорить о стихотворце. Хорошая строка. Удачная. А эта — находка. А вот — открытие. Нет, разумеется, строка-находка, строка-открытие не ускользнет от нашего внимания. Но ведь набоф, ведь заряд завладевшего споря мы чаще направляем на другого. Нам интереснее личность художника. Его характер. Цельность мироощущения. Насколько и как им выстрадано право говорить от имени своего поколения. От имени России...

Критики порою удивляются. Вот перед нами сборник стихов. Есть стихи отменнее. Есть поэзия. А писать о них ничего. Они как бы отключены в безвоздушном пространстве. За ними нет собеседника, вокруг них нет атмосферы, они не принадлежат к полной мере конкретному автору. Они принадлежат всему и всем. Всем, покуда это поколение в чуждой стране. Всеяду это всеобщему подмету культуры и грамотности.

Именно исходя из этих критериев, я выбрал для разговорной книжки поэта еще несовершенного, но уже заглянувшего к своему праву говорить от имени своего поколения.

У этого поэта есть свое творческое лицо. Есть свои принципы и свои инстинкты. Он обладает вкусом и временем слова, убежденностью коммуниста, перешагнувшего гимназической возраст инфантильных сомнений и принятого для барышни интеллигента.

— Как вы говорили, как раньше говорили, не странно доверять? «Да, некие — подобие косяка», — пишет он. Или еще об «ЯК-12»: «И летят он и дает километраж. И горюет на работе день за днем, «ЯК-12», ты не выдать, ты не слать. Мы в любой еще — разрушение, поземка». Это пишет человек, который осматривал тайгу, обжигал небу. И в свои двадцать пять лет он знает науку. Хотя мы, ныне пятидесятилетние, умали в бой, когда он еще не родился...

— Почему же? Пусть в этом вопросе умоляет голову «советского» по океанам. Мы-то знаем, почему. Убежденность в правоте нашего дела, характер, кремовый стиль и словосочетания... Такие ребята стоят сейчас у домочных нечи Мглинских. Такие встретил смерть и не проглотил на Дамасковом. Он еще не мастер. Но он талантлив. И у его таланта есть главная «несущая» опора — характер.

— Я дал рекомендацию для выступления в Союз писателей томоскому поэту Сергею Зипанову, автору сборника «Аллея прощания». Именно по тому, что уверен: он принадлежит по праву к числу тех, кто говорит от лица своего поколения, не вскакивая голоса, в «характере» этого поколения.

Чингиз АЙТМАТОВ:

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С БИОГРАФИИ!..

Чингиз Айтматов что-то писал на титульном листе книги, писал стремительно, платными, остро бегущими строками. «Вероятно, авторграф!» Неловко вот так, неспеша, оказаться рядом, надо бы сделать вид, что не замечаешь... Тем более, что дверя лифта раздвигаются...

— Нет, нет,— ублажает Айтматов,— это не авторграф!... Это... книга Ивана Зубенко «Тополи и солом», изданная «Молодой гвардией».

— Многие назвали Иванку на семинаре Айтматов. А что-то записанное написал на книгу, которую Иван перелал на обсуждение, а теперь уезжает домой, в Красноярск? Автор надеется замечательно написать по своему вкусу? Или вы хотите поехать с собой, и тогда, читательница в описаниях простой, неприукрашенной жизни крестьянской, с первого взгляда давнишней, архаичной, начинаешь понимать эту значущую архаичную жизнь, которую ведет человек во все времена.

— Здесь каждое слово как бы обдает кожей, вызывает желание вспомнить много из своей прошлой жизни...

— Да, от этой книги веет чистотой, целостностью внутреннего мира... Чингиз Айтматов всматривается в подмигивающую по лестнице нарядка в черном, строгом костюме. Скулатое лицо, длинные, колючие волосы. Глаза, как у Бек-Туркена, и зоркие, добрые и обдуманные еще прямо глядящие на тебя... Вы не знакомы? Это Иван.

Иван скрывается в многолюдье шумного, между заселениями, переулочка.

— Он бескомпромиссен, застенчивый этот паренек,— говорит Айтматов.— Но бескомпромиссность у него особая. Это не бескомпромиссность маленького, выросшего в партийной библиотеке и предвзято-лично свой счет наем, маме и истории. Это высказательность и требовательность рабочего человека к себе и к людям. Кетати, он ведь и зарплату работает на заводе в Красноярске. Какое-то мастером.

И, между прочим, в этой своей жизни, несложной участия во всеобщем коллективном труде на заводе, видит для себя и атмосферу «единственной возможности быть в гуще жизни».

Иван Зубенко едва заметно — исколесил страну вдоль и поперек. Работал плотником, жестяником, слесарем, а учился закону. Прочел он был упорным и способным учеником — проходил по два класса в год.

Характерно, что наш семинар и вообще все совпадение, по словам Ивана Зубенко, укрепили в нем желание не походить с производством и после того, как он получил членский билет СП СССР.

Боюсь ранней профессионализации,— признался Ивану, когда все мы, и руководители семинара и «семинаристы», поздравляли талантливую писателя с большим успехом: издательство «Советский писатель» приняло рукопись его романа «Восход молодости».

— Над этим решением Ивана Зубенко стояло бы подумать многим его ровесникам по литературному цеху. Ведь все для писателя начинается с биографии. И как часто бывает, начинается даже с тех, кто в своей молодости, от своего злодея или колхоза, напишет талантливо, а после выхода книги увидит на «литературных хлебах». И тогда мы становимся порою свидетелями неистые драматических ситуаций: вторая книга

еще «держится» на острых и ярких впечатлениях о пережитом, а третья?... А там уже — остро бы профессионально, выходящее и изобразительное совершенство, но материал потуснев, нет-да и проглотит издательская ситуация или, еще хуже, «потеряне прожденного» — автор, ставший писателем, интересом которого завладела жизнь, повторяет и себя и других.

— Я уверен, что Ивану Зубенко это не грозит в любом случае. Он обладает нестройным желанием быть не только рядовым в своем поколении, но и не идти в день делать дело вместе с ним. Творить жизнь...

Афанасий САЛЫНСКИЙ:

ПЕРЕД ЛИЦОМ СОВРЕМЕННОСТИ

Драматургия... Жанр литературы, в котором соединяется музыка и лирико поэзия с реализмом и правдой прозы, непроходимая глубина публицистики и художественной целостности характера современника, выраженного в полной мере в поэтике и прозаиком...

— Именно потому,— сказал Афанасий Салынский, известный журналист, секретарь правления Союза писателей СССР,— на примере драматургии мы со всей очевидностью видим, как в фокусе, и вершинах нашего мастерства и свойственности нашего творчества, секретаря правления Союза писателей СССР,— на примере драматургии мы со всей очевидностью видим, как в фокусе, и вершинах нашего мастерства и свойственности нашего творчества, секретаря правления Союза писателей СССР...

— Что характерно для молодой драматургии, которую мы узнали на этом Всеобщем совещании? Умение в области формы. Нередко — совершенство слова. А это — немалое!

История философского свойства в некоторых высказываниях Илларики, я бы сказал, характерные для нашей драматургии. Главнейшие идеи нашего века, лучшие мысли прошедшего столетия. Писатель, а в особенности писатель драматический, не сумеет выразить правду жизни средствами драматургии, если он не почувствует своей ответственности за слово и сказанное слово. Если он забудет, что говорит от имени народа, идею победившего общества, перед лицом человека.

Соединение таланта с гражданской зрелостью — вот что означает творческую зрелость художника. Приведу пример. Теперь стала совершенно очевидной надуманность конфликта «отцов» и «детей». Этот конфликт возникал и нашей драматургии вопреки правде жизни и был спровоцирован не только самой жизнью, но и усилиями талантливых драматургов, доказавших еще и силой искусства существование чуждых нам идеальных позиций. Туфан Мингулла из Тяньцзиня принял к нам на семинар свою пьесу «Отцы». Пьеса, написанная с суровостью боя и нежностью благодушия сына. Влад ли стонет сомневаться в подлинности драматургического материала: сам совет близок и знаком тысячам ровесников Туфана Мингуллы. Отец, вернувшийся с фронта героем войны. Человек, возмужавший голодом. Наставник, определяющий будущее своей жизни, поднимавший и сомнамбулические жизни.

Всех участников семинара драматургов рвало, когда обсуждали пьесу, по форме хорошо выстроенные, написанные изящным языком, совершенные. Я бы мог назвать пьесу Андрея Корчаева «Вот такой компот, ребята» — детский юдольчик. Я бы хотел отметить пьесу Мырабаева Тоббана «Полные пеньки». Эти пьесы ничего общего не имеют с драматургическими произведениями, в которых действуют герои, далекие от высших нравственных норм нашего общества. У авторов подобных произведений нет главного — того самого органического чувства ответственности за сказанное и написанное, без которого художника XX века, советского художника, гражданина тем более, не существует!

На острие Дамасков проулылись выстрелы, как в той драме, где нельзя забывать о языке,

Если оно заражено. Если оно угрожает тебе, твою душу, всему человечеству.

Трудно Минутки содействуй и сам содействуй. Воюющий своим словом, страстным и убеждающим. Воюющим на передовых позициях жизни.

Игорь МОТЯШОВ:

ЕДИНСТВО ОПЫТА И КУЛЬТУРЫ

— Нельзя видеть, как растет дерево, но всегда можно увидеть, насколько оно выросло, — заметил критик Игорь Мотяшов, пытаясь как-то обобщить свои впечатления от встреч, семинаров, читаных за эти дни книг.

Ведь нечто похожее происходит и в литературе. Ее рост непрерывен, и так же непрерывно накапливается в ней неприметно на первый взгляд изменения. Но если мы возьмем отрезок в пять-шесть лет, то, сравнивая начало и конец этого периода, легко обнаружим то новое, что несет в себе очередное писательское поколение.

Мне довелось быть руководителем на одном из творческих семинаров предыдущего. Четвертого Всесоюзного совещания молодых писателей в мае 1963 года. И вот теперь тоже. Это дает некие основания для сравнений и выводов.

Начну с самого простого — с «географии» совещания. Как и в прошлый раз, на нем представляли послыши всей страны — от среднеазиатских республик до Заполярья и от берегов Дуная до Камчатки. Но, во-первых, на нынешнем совещании представителей далеких от центра окраин больше. Во-вторых, сами они, если говорить о Сибири и Дальнем Востоке, как правило, жили не в центральных районах, а в периферийных, в отдаленных областях, а коренные уроженцы тех самых мест, какие обозначены в их делегатских анкетах...

Это, казалось бы, не чисто внешнее обстоятельство, а самое дело весьма характерное: говорит о все более глубоком проникновении культуры во все поры нашего общества. Последнее, кстати, отразилось и на общем профессиональном росте молодых писателей: среди них — автор одной, а в двух-трех книг — не найдешь сегодня людей, которым нужно было бы объяснять «азы» литературной техники, учить грамотности.

Есть иная духотка патристичности участников Пятого Всесоюзного совещания: люди литературы по признакам, достаточно широко известным. Также, например, как донецкий шахтер Владимир Птица, как германская судья в чешской судьбе легендарного Павла Корчагина, а повесть «Всем смертам назло», опубликованная год два назад в журнале «Юность», стала одной из популярных книг сегодняшней молодежи. Авторами замечательных критично-произведений являются московские прозаик Валерий Алексеев, воронежский поэт Олег Шевченко, пишущие для детей киевлянин Виктор Кала, москвич Олег Гизмоян, ленинградцев Валерий Воскобитников. Среди молодых участников творческого семинара можно встретить знакомые профессионалам имена преподавателя Свердловского университета Валентина Лукьянина, киевлянина Маргариты Малюновской, москвички Маргариты Чухомовой.

Естественно ожидать от молодых писателей, что они правдиво и впечатлительно расскажут о своем поколении, о молодом горе нашего времени. И можно, как это в преддверии Четвертого Всесоюзного совещания звучало последние отголоски споров о героях, как тогда спорили, «молодой» или «исповедальной» прозы. Спорили о молодом человеке, ставшем учеником в школе, а также о рабочем, который учился в первых порах в разных провинциальных несправедливостях и, так как школа не сумела подготовить его к борьбе с ними, выпала в уныние и напикну,

становился «разочарованным» и депрессивным. Одни критики вовсе отрицали такому герою в жизни Минутки, другие утверждали, что молодых писателей за чрезмерное к нему внимание. Третьи поднимали этих писателей на щит, устаревшая в персонажах их книг чуть ли не открытые нека.

Сегодня видно, что как поколение такого героя в молодой литературе почти 50-х годов, так и его бесслышный уход со сцены в 60-е годы одинаково закономерны. Его породили литераторы, которые познавали жизнь по школьным учебникам и университетским курсам, читающим журналистами приезжали на сибирскую стройку, в геологорабочую партию, исполненные самых романтических надежд и ожиданий. Герой их книг был в какой-то степени отращением их самих, разве что отличался меньшей удаленностью: не прощая по конкурсу в вуз, он был на стройке подсобником, у геологов — младшим коллектором. Рано или поздно его школярский романтизм приходил в столкновение с реальной «прозой жизни», детские иллюзии разбивались в мыль, мелкие, с обобщительской точки зрения, неудачи и конфликты вырастали в глазах инфантильного юноши до глобальных и даже вселенских масштабов, бугры в стакане воды возмущались как цунами в океане.

А тем временем в литературе все увереннее входили новые молодые писатели, лучше, нежели их предшественники, знавшие действительность, но, к сожалению, не разочаровавшиеся в ней. Они, будучи по возрасту все тем же первым послесовиным поколением, пришли в литературу позже иных своих сверстников — не двадцатилетними, а тридцатилетними, потому что труднее в долгие годы их жизни была культура. Эта культура не ניתывалась ими с молоком матери, не черпалась в фамильных библиотеках, не приобреталась исподволь при слушании всесоюзнотелевизионных бесед старших писателей, но приобреталась ими впервые, разрез ранний труд на колхозное ное или у заводского станка, через вечерние школы рабочей молодежи и службу в армии, всякая работа делала воспитание упрямых молодых читателей, когда нем выживалось с жизнью, сознание то и дело проваливается в сон. Именно они, эти парни и девушки, пришедшие из самой глубины нашей жизни, составили ядро участников Четвертого Всесоюзного совещания. И участники нынешнего совещания — их прямые наследники. Прежде всего наследники по богатому опыту действительной жизни, которую они знают не по книгам, не понаслышке, а благодаря своему прямому многолетнему и деятельному участию в ней.

Это белорус Валентин Мыслевец, журналист, выступивший с интересным очерком «Живут хлопцы-романсы» о молодых рабочих одного из чешских заводов, на котором чуть с опозданием трудился сам. Это латыш Ольгерт Гайлитис, выпустивший первую книгу рассказов, работающий одновременно и на рязанском радио и врачом в поликлинике, а до этого несколько лет бывший врачом на этом Олег Осадечий, автор нескольких сборников рассказов, журналист из Кубышевки, в недавнем прошлом кадровый офицер, а потом редактор многотиражки на строительстве автозавода в Тольятти. И назвав участников одного семинара, но примеры подобного рода можно приводить десятками.

И в то же время сегодняшние молодые писатели — наследники богатейшей мировой культуры и культуры нашего народа, с ее неисчерпаемостью. Органическое сочетание образования и практического опыта дало отличный результат, небыло расширяет горизонты писателя, обогатывает его творческие возможности.

Сегодняшние писатели, как правило, вступают ко все более глубокому, правдивому и восторженному отображению современной жизни, иными же главное направление нашего литературного творчества — в развитие человеческого сознания писателя всех поколений, но немалую роль принадлежит и молодым.

Молодые писатели стараются идти в авангард

де процесса, и их поиски существенно отличаются от поисков так называемых «авангардистов» Запада. Они никогда не производили впечатления непременно «новой» формы как таковой. Главная забота молодых — как можно правдивее, точнее, глубже выразить свое понимание времени, своего поколения, строящего историю в истории человечества общества. Характерно, что почти для всех начинающих свойственно обращение к миру детства, к образу ребенка, впервые открывающего для себя «взрослую» действительность; это слышь у белоруса Николая Камышова, у латыша Айвараса Калева, и у Олега Осадечея.

Детство, как счастливая возможность новой, лучшей жизни, как доверчивая готовность воспринять и усвоить все лучшее, что достигнуто людьми на трудном и долгом пути истории, но и как возможность, переходящая в реальность в той мере, в какой мы, взрослые, сумеем передать нашей смене наш идеал добра и справедливости и уберечь ее, эту смену, от скверных облачных туч, своеобразия, равнодушия.

С этого, видимо, начинается подавляющее большинство молодых писателей — с определения нравственных координат, где неопределенность и неопытность молодости, но и неопытность, но и позволяет более ясно взглянуть на основу нашего познания гуманности, добра, истины, справедливости, цели и смысла человеческого существования в их социально-классовой определенности.

Новое содержание, словно бы помноженное на индивидуальную неповторимость личности писателя, и дает новую художественную форму. Но форму, которую писатель постигает в достижении реализма, а продолжая его их.

***

Итак, закончился V Всесоюзное совещание молодых писателей.

Подведем итоги. Наиболее важные итоги: много книг поэтов и прозаиков, которых читатель скоро узнает, рекомендованы ждательств. Большая группа молодых рекомендована творческим семинарам поэтов и прозаиков в Союз писателей.

Естественно, что не только ждательств, но и в первую очередь газеты и журналы заинтересовались произведениями литераторов, имена которых открыты V совещанием молодых.

Апрельские номера «Смены» знакомят читателя с поэзией участников совещания, а в этом номере журнала — рассказ одного из них, геолога Германа Сазонова. По давней и прочно установившейся традиции «Смена» будет из месяца в месяц публиковать талантливее произведения писателей, вышедших яри и уверенно в литературу.

Достаточно вспомнить четыре предыдущих совещания: имена писателей V Всесоюзного ждательств в поэзию и на страницы «Смены» Русл Гамзатов, Юлия Друнина, Николай Старшинов. С сорок седьмого года и по сей день, став известными поэтами, они не нормируют друзьями в журнале, печатаются ежегодно на поэтических полах.

То же самое с полным правом можно сказать и о Евгении Винокурове, Юрии Болдыреве — участниках II Всесоюзного совещания, об Арвиде Аламовом и Роберте Рождественском, пришедших в литературу в пятнадцать шестом году: III Всесоюзное совещание молодых и, как обычно, — публикация за публикацией в «Смене».

Читатели «Смены» хорошо знают имена и лица последних авторов — Леонида Жуковича, Тамара Жирмушской, Владимира Павлюкова, Феликса Чужа и Евгения Шацкого. Все они — участники IV совещания шестидесяти третьего года.

Ще ВЯКМС И СП СССР за последние двадцать два года проделали огромную работу по воспитанию и слючению молодых, талантливых писателей, которые уверенно развивают нашу литературу.

V Всесоюзное совещание молодых писателей — еще одна значительная веха в этой большой работе.

Нейны во веки веков называют эту гору «Утос-Па» — «Последний Камень», потому что здесь кончается Полярный Урал и на север тянется тундра — белесая, выхолмленная. В семидесяти километрах от Утос-Па — Ледовитый океан, холодная мокрая гора. Выглядит она так: — А почему же на карте называется «Константинов Камень»? — спрашивают башкирцы.

— А, — отмахивается Еремин, — подхалимаж. Географ один назвал гору в честь великого князя. Вот ватчина, — гора!

— Исно, — отвечает башкирец и откинулся на зеленый Утос-Па в сумрачных валах тумана. — Ясно, какой дурак откажется?

Башкирцы завалили светскую беседу: о погоде — «Вот жара», о гнусе — «Яростно так жрет», о псе — «Вот псина! Наверное, вор!» Поговорили о Европе.

— Уфе — это Европа, — сказали нам гости.

— У нас есть трамвай? — дельно спросил их Еремин.

Как выяснилось, в Уфе есть трамвай.

Потом башкирцы-соседи серьезными голосами начали объяснять нам, какая у них важная работа, но они «полны решимости», что у них есть псе: молотки, компасы, раскладушки, рыболовные крючки. Но нет...

— Дай вездеход, начальник! — И тонко так, дипломатично улыбулись.

— Можно! — совершенно легко ответил начальник.

Башкирцы враз вдохнули, гордо посмотрели друг на друга: «Вот обтапали дело!»

— Можно! Идем чай, бензин наш! Два мешка сухарей!

Во время чая предложили сыграть в подножный дурочка. Что ж, башкирцы согласны. Еремин выстрел еще мешок. Так с помощью гостей были установлены дружественные отношения с Европой.

Ведь в Уфе — трамвай! Вот город!

В конце июля с Ледовитого подул ветер, донхнул снегом, приморозил маленько цветы и травы. Снег падал вместе с дождем и плавился почти сразу на солнце. В дождь подкапывали в лагерь две оленьи упряжки.

Здравствуй! — сказали немцы.

— Залезай в палатку, — кричит Еремин от печки, — чай пить будем!

— Чай — это хорошо! — улыбаются немцы. — Чай — это человек.

Давай, давай, начальник!

Тепло одеты немцы, тепло и удобно. Малины на них меховые. Ничего им не страшно, немцам, — ни дождь, ни ветер, ни темная ночь.

— Хорошие у вас олени!

— Хорошие, хорошие. Иди катайся.

Пьян-пьян немцы чай. И мы с ними — жарко нам стало. Они на нас смотрят — улыбаются, мы на них глядим — улыбаемся.

— Спасибо, — говорит старший и ставит набор посуды. — Хороший чай, густой! Черный чай, салоги можно мазать, да!

— Работать к нам? — спрашивает старший. — Это хорошо. По какому приезде, дай Рукуз ишевет? Золото! Здорово! Меня Вылко зовут, бригадир! В гости вас звать пришел, праздник у нас скоро. День оленевод! Хорошо!

— Спасибо. День оленевод — это здорово!

— О... здорово... здорово, — закивали, заулыбались гости. — На оленях будем, тынан бросать, через нарты прыгать, бороться будем.

Давай в гости к нам!

— Веда у нас, — сказал вдруг Вылко-бригадир. — Веда!

— Волки? — подыкался Еремин. — Или болезнь у оленей?

— Нет... олени круглый, жирный, волков боят маленько. Рация сломалась — вот беда! — грустно ответил Вылко. — Веда, молчи совсем. Немой! А как на праздник звать, а?

— Тащи сюда радио, — предлагает радист, — сейчас мы ей операция...

Повертел ручки радист, покрутил, почистил проводки, подул в трубку — замыгал, забегал огонек.

— Когда у тебя сене и какая у тебя волна? Ага, ну, а позымой!...

Позымой — десятый? Исно... Десятый... Десятый... Держи трубку, бригадир, и говори ему.

Долго кричал в трубку Вылко-бригадир, вызывал до одного, до другого.

— Все, — сказал он. — Хороший ты человек. Возьми, мы тебе оленючку привезли!

Вот теперь у нас бифштексы. И у нас коточка.

А когда в маршрутах, в ущельях, в ручейках замечали обтиснутых оленей, наносили на карту, и вечером радист Гоша вымывал десятого — передавал ему название ручья.

— Я тебе трамвай свою подарю, — пообещал Вылко. — Нет, не трамвай. Я тебе волка поймаю, хочешь?

— Завлек волк, и так хорошо, что люди бланко.

В середине августа наелся визит Петрова — научный сотрудник из Ленинграда.

Набросались мы на науку — хочется услышать свежее слово.

Набросались наука на нас — нужен наш свежий факт.

Факты торчат вокруг из голых скал — колотятся! Хочешь — скажу записки в рюкзаке, хвяти для докторской. Хочешь — медными камнями натрешь, для кандидатской. Хочешь — возьми один образец, для рядовой, ненаучной работы.

Петрова требовало от нас весомый факт, ибо в маршруте откальзывала пол-оборота, хотя уже пятый год мечтала о докторской.

— Вы... вы — хорошие парни! — тонко улыбаются она, и в ее глазах проглядывают ледяные реки. — Чужие.

Но мы не вклинкули на грубую лесь и ничего не сказали ей про геологию.

— Покажите мне вашу карточку, — улыбаются Петрова, и когда женщины тридцать с небольшим и она одна на всю тундру, трудно усотять. Но мы выдержали и желжво откавили, не было у нас настроения улыбаются.

Пять маршрутов колотились Петрова о скалы, чуть глаза себе не

Геннадий САЗОНОВ

РАССКАЗ

Иногда у нас бывают гости.

Первым явился лес, потерявший хоанина. Сирота такая, с мордой постаревшего галстукера.

На костре варился оленина. Наверное, запах мяса зааркачил пса, и притащился псе из-под хребта Минисей, переплыв гудящую речку Сабата.

Всем показавало, что псе поздоровало. Он внимательно, поочередно рассмотрел в каждого, кинул ии, не дожда до костра два шагов, остановился, неприступный и гордый.

Еремин кинул ему кост. Обгрыз псе мясо и вновь приблизился, — наверное, благодарит.

Батле! — ответил ему Еремин.

Псе чего-то осязкой, стаяло, что ли, — неудовимо напоминал претраненого лорда, злость которого пробегала на галерях... В желтых глазах его затаялся юмор и динизм бродяги, а в рыжих, неприлазанных башенбард торчали высокие травы.

— Президент! — позвал его Еремин. — Иди-на сюда!

— Салоги! — кинула сырой рожой псе. — Как дела, парни?!

— Порядок! — ответил ему Еремин. — Садись рядом!

Псе кинул, обихола руки прораба и сполойно улелся у его ног.

Так в парни повывалась огромная лохматая пена на известной никому породе, без роду, без племени.

Зубы у пса стерлись, зато он не ушывал над баковой молоко.

— Диету соблюдает, — объясняет всем Еремин, — вор-вегетарианец!

Псе не ловил мышей, не гонялся за псами, но вышугивал из кустов куропаток. Любил псе свежую дичь.

После завтрака он медленно тапикался за Ереминим в маршрут, а позадю вертеном мчался к ужину, обходя геолога.

— Потом в гости пришли башкирцы, молодые парни из соседней экспедиции. Они появились в горах на поимеская равнине нас, каким-то образом утратившись зараста петиной до ушей и ходили раскрашко, как матросы в иностранном порту.

Башкирцы в тундре впервые. Но по-былово помалкивают.

Мы стоим у подножья хребта Сявтур-Нырда, у подшосам двухроковой горы Минисей. Две голыны у горы, потому что она разрабуается бездонной, нижем еще не промерзлым озером Емьш-Пор. Чуть западнее Минисей — гора Константинов Камень.

Геннадий Сазонов — молодой тюменский писатель. По профессии он геолог. В центральной пеще выступает впервые.

Рисунок Владимира Юдина

выбила, но не поддалась геология ее слабым, белым рукам. На одном локте маятник и воев слез.

Обиделась на нас Петрова.

— Вы трудные люди! — заявила она, обесцелив от борьбы, и в ее маленьких глазах — открытая неприязнь. — Всем все рассказываю, а мне? Чем и хуже, а?

В конце августа пошла работ пересекать туристы. Среди рослых, обутенных солнцем парней в красных ковбойках и синих джинсах, с огромными ножами и маленькой картой конца XVII века. Парни-горожане шли по маршруту, где якобы не ступала нога человека, снимали камерой каждый свой героический шаг.

Два дня они штурмовали горушку в 1 200 метров и скатились с нее, намученные, на дрожжащих ногах.

Растаялись, пали на грудь, плашмя, у подошвы горы и, задыхаясь, объясняли:

— Выта еще одна высота, черт побери!

— А таких вот горбунок, что штурмовали туристы, у геолога только в одном маршруте пять или шесть.

— Разве это спорт? — удивлялся Еремин.

Нес высокомерно осмотрел туристов и отошел гордо. «Разве это спорт? Детский мир!»

— Да вы знаете... — задрожали от обиды рослые парни-горожане. — Мы проходим через тучи, в которых рождаются радуги!

Вот чудак! — выплут на гору, а потом два дня лежат без сознания! Туристы жили два дня, издыхавшая в язву жизнь, страшно колдовали и наводили: на прощание подарили значки «Турист СССР».

Один значок достался и Вылко-бригадир. Сейчас у него под малицей орден, значки — «Турист СССР» и первый разряд по бегу. Подарил его Еремин значок, когда Вылко обогнал начальника на оленях.

Потом еще были гости — толготорг заблудился, натолкнулся на палатки, упал у костра и шепчет:

— Пить! Пить, братцы...

А рядом река гремит. До чего человек напугался! В начале сентября на законных оленях приехал Вылко-бригадир и с ним еще три упряжки. На наргах — ребятишки.

— Беда! — кричал Вылко. — Спасай, начальник. Беда!

Схватились все за руки, за винтовки, поднялись, загомонили.

— Беда! — чуть не плачет Вылко. — Учительница приехала. Отнимает ребятишек в школу. Спаси!

— Темно! — заредел начальник. — Стыд, срам, Вылко! Ты же бригадир, руководитель, пример должен показывать!

— Спаси, — умоляет Вылко, — больно жалко ребятишек, хорошие они, погляди. Погляди, прямо как песты, прямо как тышени. Учительница больно молодая, и из ребятишек скотников слезла, оленовод слезла. А? Кого из них она сделает, начальник? Грамотный будет, а оука, а как он пестя ловить будет, как он олена касать будет, если в книгу смотреть будет? Помоги, начальник, ты же грамотный, все законы знаешь!

— Садитесь, — пригласил оленовод начальника, — сейчас думать будем.

Закурлили все, замолчали. Начальник достал бинокль, вышел из палатки и долго осматривал перевалы. Потом улыбнулся, настроил радио, пошел исследовать.

— Дай на минуточку вертолет... Ну да, по распоряжению 308. Давай же жилья!

Пока все думали, причалась на наргах учительница. Сама оленей гонит, хором помахивает.

— Двадцать три года ненке, только что из института, в малице и в ленинградской шляпке.

— Попались, — смеется учительница и хлопает смуглыми ладошками. — Спрятаться хотел, Вылко? Можно раздеться?

— Пожалуйста, — засуетился Еремин. — Садитесь сюда. Красивая учительница, глаз не оторвешь. Строго стала она говорить по-ненки, размахивала руками, развумунилась, и старый Вылко опустил глаза. Стыдно ему.

Иза хребта вырвался вертолет, сделал круг над лагерем и сел. — Давай трупы напарном говорит начальник учительнице. — А и здесь с ними по-мужски поговорю.

Погрузили ребятишек в вертолет, а они ничего не боятся, только глазенки черные, горностыевые таратанды...

— Благодарю вас. — И учительница посылает Ереминку воздушный поцелуй.

— Ну и Еремин! — хохочут парни. — Изумил девочку!

В середине сентября, в самые дожди, в лагерь заглянула «Красный чум» — белокрытый парень лет семнадцати, длинноногий, с очтанными глазами.

У «Красного чума» — рюкзаки, где лежат газеты и журналы месячной давности.

От стойбища к стойбищу, от одного стада к другому разносит «Красный чум» свежие новости.

— Прочту вам лекцию, а? — предлагает парень.

— Какую же ты лекцию прочтешь? — сверху поглядел на него Еремин.

— Какую хочешь! Про религию, а? Про скитантов хочешь? — выпалил парень.

— А международную атмосферу передашь? — Нет, — вдохнул парень «Красный чум». — Месяц радио не слушал. Давай про религию катану.

— Давай, кати религию! Все равно дождь.

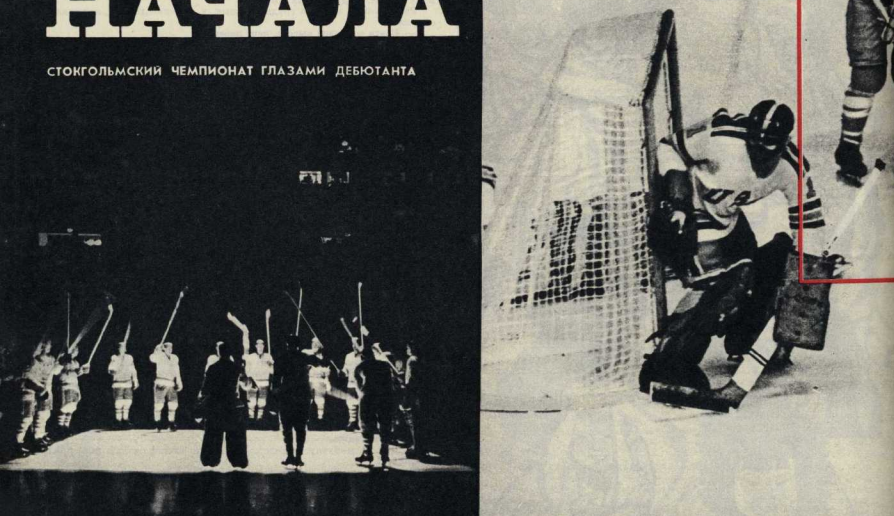
Пока парень «Красный чум» добрался до нас, все у него перепуталось: и мусулмане, и буддисты, и сектанты. Все это у него так интересно перепутано, и мы слушали его без перерыва три часа. Хорошо!

Скоро осевь. Гвуются тучи — падают дождем. Кто теперь заглянет, не знает.

Как-то теплее, когда гости.

ТРИ НАЧАЛА

СТОКГОЛЬМСКИЙ ЧЕМПИОНАТ ГЛАЗАМИ ДЕБЮТАНТА

Торжественный ритуал, открывающий каждый из тридцати матчей чемпионата. В «световом квадрате» — сборная СССР.

Первый матч — с американцами. Боялся ли я? Нет. Но здорово волновался. Вдурю игра не пойдет! Вдурю даже простейший финт не получится!

Валерий ХАРЛАМОВ, заслуженный мастер спорта

Первенство мира начиналось для меня трижды. Может быть, и вправду плох тот солдат, который не мечтает стать генералом, но, открываю ворота, тогда, в декабре, я думал только об одном — нужно зарекомендовать себя в звене, где мне дали место.

В декабре проходила вторая Московский международный турнир, и во второй сборной СССР появилась новая тройка: Борис Михайлов, Владимир Петров и я. Я попал в звено, о котором в конце предыдущего сезона писали и говорили очень много. Вместе с блестящим мастером хоккея Вениамином Александровым в нем выступали Петров и Михайлов.

И вдруг Анатолий Владимирович Тарасов говорит мне, что хочет посмотреть, как и сыграю на месте левого нападающего в этом звене. На месте Александрова!

Так началась наша тройка. После Московского турнира мы сыграли несильно матчем на первенство СССР, а затем полетели в Канаду. Молодое звено ЦСКА стало кандидатом в национальную сборную страны.

Перед контрольными мартовскими матчами в Финляндии тренеры объявили основной состав и резерв сборной. В основном составе нас было больше, чем могло поехать в Стокгольм, однако после первой встречи с финнами, где мы забросили три шайбы из семи, я вдруг понял, что ничего у нас не случится и что нас непременно включат в команду.

Так чемпионат мира начался для меня во второй раз.

И в третий раз он начался в то мгновение, когда, выехав из лед «Юджинс-сарай» на первый матч с американцами, мы выстроились вдоль синей линии напротив соперников и зазвучала мелодия, которой открывался каждый из тридцати матчей чемпионата мира.

Это и было главное начало. Внезапный шлоупинг, увидев свое фамилию в списке выходящих хоккеистов и принятых в институт, испытываю все-таки, сам того не сознавая, непонимое ощущение счастья. Понастоющему понимаешь, что ты стал студентом, что начинается новая жизнь, только на первой лекции.

Чемпионат мира глазами дебютанта — так определили мне тему в ре-

данции «Смены», и я сразу подумал, что она и проста и сложна одновременно. Проста потому, что впечатлений много. Трудна потому, что никогда не выступал в печати, да и впечатлениях, как, видимо, и у любого другого дебютанта, слишком субъективны, монотрны и оттого могут оказаться интересными лишь узкому кругу читателей.

Боялся ли я? Нет. Но здорово волновался. Вдурю игра не пойдет! Вдурю даже простейший финт не получится! Вдурю даже простейший финт не получится!

В первый матч в начале игры я передефинил шайбу — чем это объясняется: излучением волнения или желанием «доказать» всем, что право играть в сборной я действительно заслужил?

У каждого хоккеиста своя манера «включенности» в матч. Мне всегда трудно в начале игры подергать шайбу. Игрок, владеющий шайбой, «глядит», оттачивает бьет, но когда тебя «чуточно» «обоймут», ты готов и играешь, чувствуешь шайбу, понимаешь и ней. А если сразу начать играть в пас, то потом в сложных ситуациях можно растеряться, утратить контроль над собой, над своим состоянием.

Наверное, самое важное для дебютанта — понять, что ты не хуже других, что и ты можешь играть на равных с самыми знаменитыми хоккеистами мира. Мне это было тем более трудно, что еще совсем недавно, наблюдая по телевизору за игрой лиде-

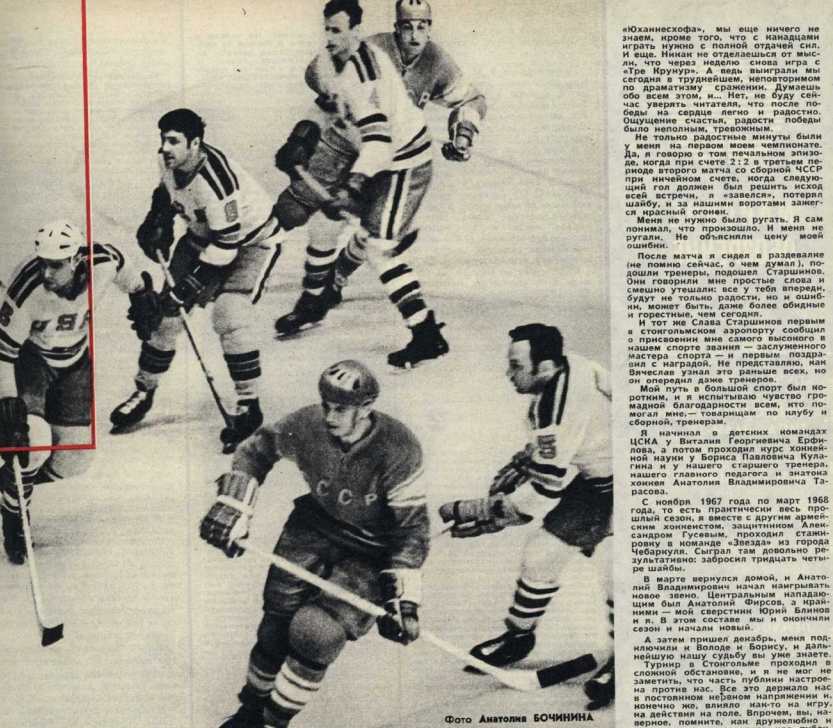

Фото Анатолия БОЧНИНА

ров мирового хоккея, я думал, что мне никогда не подняться до их уровня, что игра такого класса — недостижимый эталон.

Мой опыт международных встреч пока невелик, и мне не хотелось бы давать оценки нашим соперникам, они могут оказаться последними. Казалось, я хорошо узнал канадцев, играл против них в Москве, почти десять матчей провел на родине хоккея. Но... В Стокгольме команды были неузнаваемы. Так, у себя дома, они играли значительно жестче и увереннее. Хотя, впрочем, во втором матче с нами они действовали достаточно строго, играли с большим напором, и выиграть у них было дело непростым.

Когда мы летели из Канады домой, Саша Рагулин предупредил меня, что с канадцами играть несколько легче, чем с чехословацкими или шведскими хоккеистами. Уж если канадец пошел на тебя, то идет он настолько решительно, что изменить свое намерение просто не успеваешь. Если хоккеист из команды Майлово показывает, что садится под твой бросок, то можно быть уверенным — он не передумает.

Иное дело — ведущие европейские мастера. Они играют более остроумно, небезопасно, хотя и не столь жестко. Впрочем, это высказывалось по достоинствам и недостаткам второго и третьего призеров минувшего чемпионата мира, основываясь, у меня еще меньше.

Нам до чемпионата мира не пришлось сыграть ни с чехословацкой, ни со шведской командами, и потому наша игра под эгидой «Южнесско-

фа» была для меня первой очной встречей с сильной сборной ЧССР (да и не только для меня, но и едва ли для половины наших команд). И, может быть, поэтому наша тройка сыграла с чехословацкой командой не так, как хотелось бы.

Иначе все складывалось в играх с «тре Круурер». До марта мы не встречались, но, уже приехав в Швецию, провели контрольный матч в городе Карлстаде со сборной области Вермланд, усиленной несколькими хоккеистами сборной Швеции. В тот день мы попробовали себя в третьем периоде с звеном Ульфа Стиерна.

Конечно, двадцать минут — это мало. Очень мало. Но, оказывается, и один период может стать какой-то школой, и именно в этот двадцать минут я понял, что мы можем на равных сыграть против знаменитого шведского трио. И сыграли.

Наверное, все-таки легче входить в сборную команду, легче найти себя, поверить в собственные силы, в свою команду, если рядом опытный друг, ветеран, искусный в сравнении партнер. Наверное, в этом случае успокаивает мысль, что, если что-то случится, старший товарищ поможет тебе, выручит, сыграет за двоих.

Мы оказались в ином положении. Три дебютанта могли рассчитывать только на собственный энтузиазм да на опыт играющих с нами защитников. И, как в нашей игре будут играть Игорь Ромашенский и Евгений Поладнев. К сожалению, травма Витора Музыкина лишила всех возможностей играть наигранными партнерами, и потому тройка взаимод-

действовала с разными парами защитников. Таким мастерам, как Анатолий Фирсов, Вячеслав Старшинов, Владимир Винолюк, было проще найти общий язык с разными защитниками, мне же легче всего было играть с партнерами — Александром Рагулиным и Виталем Давыдовым. Иногда говорят, что для форвардов важно отыграть счет заброшенных шайб, в этом случае нападающий получает необходимую уверенность в собственных силах. Надеюсь, это так. Не стану отвечать за всех, нет, наверное, на свете хоккея во всем мире, сразу только, что уверенность может прийти и до гола, а может так и не появиться даже после двух-трех удачных бросков.

Я не могу сравнить нынешний чемпионат мира с предыдущими и потому не имею, естественно, возможности сопоставлять степень психологической, волевой напряженности спортсменов на разных турнирах. Но мне первый чемпионат дался нелегко. Представьте себе, сегодня мы выиграли тугоухий, неспортивный матч у хозяев чемпионатов, у канадцев, который до последнего дня будет по праву претендовать на золотые медали. Казалось бы, можно дать только чувство, но даже правдивее одолея «тре Круурер» на ее поле, одолев команду, которую мы анализировали по самым последним... Но в следующем туре мы играем с канадцами. И мне конечно же, как не знаю, что игра сложится просто, что победа достанется без больших усилий. Да, вечером, возвращаясь из

«Южнесскофа», мы еще ничего не знаем, кроме того, что с канадцами играть нелегко с полной отдачей сил. Еще Нинге не отдавался от мысли, что через неделю снова игра с «тре Круурер» — и тогда мы мы сегодня в труднейшем, неповторимом по драматизму сражении. Думается всем этим... Нет, не даю сейчас уверять читателя, что после победы на сердце не завладеет потерей шайбы, и за нашими воротами заиграет красный огонь. И мне не нужно было ругать. Я сам понимал, что произошло. И меня не утешил. Не объяснил мне мои ощущения.

После матча я сидел в раздевалке (помню сейчас, чем занимался), подошли тренеры, подошел Старшинов. Они говорили мне простые слова и смешило утешали: все у тебя вперед, будут не только рады, но и ошарашены, а может быть, даже обидные и горестные, чем сегодня.

И мы оба в этот первый в Стокгольмском аэропорту сообщил о присвоении мне звания заслуженного мастера спорта — и первым поздравил с наградой, а потом, прощаясь, Вячеслав узнал это раньше всех, но он опередил даже тренеров.

Мой путь в большой спорт был коротким, и я испытываю чувство громадной благодарности всем, кто помогал мне, — товарищам по клубу и сборной, тренерам.

Я начинал в детских командах ЦСКА и Виталия Георгиевича Ерифола, а потом проходил школу конной науки у Бориса Павловича Кулагина и у нашего старшего тренера, хоккея Анатолия Владимировича Рагулина.

С ноября 1967 года по март 1968 года, то есть практически весь первый сезон, я вместе с другим хоккеистом хоккеистом, защитником Александром Суевым, проходил подготовку в команде «Звезда» из города Чебаруля. Сыграл там довольно много матчей, но так и не забил ни одной шайбы.

В марте вернулся домой, и Анатолий Владимирович начал наигрывать новое звено. Центральным нападающим был Анатолий Фирсов, а крайними — мой сверстник Юрий Блиннов и я. В этой сборной были и ониничи сезон и начали новый.

А затем пришел декабрь, мои подопечные Володя и Борис, и дальнейшую нашу судьбу вы уже знаете. Турнир в Стокгольме проходил в сложной обстановке. Мне не замечает, что часть публики настроена против нас. Все это держало нас в постоянном нервном напряжении и, конечно же, влияло далеко не на пользу. Помните, как дружелюбно и искренне приветствовала нас публика, когда мы во главе с капитаном совершили свой поход вдоль трибуны «Южнесскофа».

Мы возвращались после матча с Канадой в пятницу, а в субботу мы выехали почти час и все время, не уходя ни на секунду, пели, и мы были счастливы, что так и начинали.

В Стокгольме я впервые ощутил, что такое чемпионство мира. Никогда прежде не просил у меня автографов, и я не мог не отвечать на вопросы журналистов. Но только не от молодых хоккеистов, дебютантов сборной, никак не переживающих собственные достижения и победы. Нет, мы понимаем, что нам придется научиться думать, что опереди — необычайно овеян хоккейных тайн и преумудрит.

Вспоминаю, как Петрова писали, что мы были в нашей сборной едва ли не ударным звеном. Мы не пытались посягнуть на звание настоящих мастеров, а лишь стремились завалить нашему звено указание нейтральности. Мы не восприняли это тактическое задание как совершенно очевидное: то что ты играешь против чемпионов, а получаешь особый шанс — «размеренно» раскрывать таланты соперников, нейтрализовать их.

Многие предостоят осветить, по крайней мере, три вещи. Во-первых, сборная не случайные фигуры, что мы зарекомендовали себя в Стокгольме — это только начало.

МАЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. ПЕРВАЯ КНИЖНАЯ ДЕРЖАВА
2. «ПУБЛО» КАК БИЗНЕС
3. ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ ТИПА «МАИ-3»
4. ШУПА ТИПА ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ
5. «Копейная денга»
6. Какое наказание ждет ребенка
7. «МУЗЫКА НА ВЫБОРС»
8. ПЕРВОСПИТАНИЕ ПО «МЕТОДУ» МАО
9. Телефонная станция без проводов
10. СПУСТА 40 ЛЕТ
11. ОБЕД С КОНВЕИЕРА
12. БЫВШИЕ ФЕРМЕРЫ ЗАПОЛНЯЮТ ГОРОДСКИЕ ТРУШОБЫ
13. ПЕРВЫЕ ГОНКИ В РОССИИ
14. Поиск внеземной инженерной деятельности
15. Студенты Испании — против режима Франко

Прозведения В. И. Ленина вышли наибольшим количеством изданий в мире в 1966 году. Они были изданы 201 раз в 16 странах. Эти данные приводит в недавно вышедшем в свет «Статистическом ежегоднике ЮНЕСКО. Год 1967».

В нем также указывается, что Советскому Союзу принадлежит звание первой книжной державы мира. В 1966 году в СССР были изданы 72 977 названий книг (из 460 тысяч во всем мире). В том же году Советский Союз занимал первое место и по изданию школьных учебников (2 436 названий общим тиражом около 212 миллионов экземпляров).

СССР стоит на первом месте в мире и по количеству библиотек. Так, по данным ежегодника ЮНЕСКО, в 1965 году на территории СССР насчиталось 127 026 общественных библиотек, 189 976 школьных библиотек, 50 762 специализированные библиотеки при вузах.

ЖУРНАЛ «В МИРЕ КНИГ»

2.

История американского корабля-шпиона «Публо» покинута с полицией в севернокорейских водах вооруженными силами ИКДР, была одним из самых неприятных эпизодов в деятельности американских разведки. И все же нет хуже без добра. Новому-то Советским Штатам этот инцидент не малые выгоды. Американские газеты сообщают, что капитана «Публо» Бьючера дозна омыкал сорприз. Его меня получина 70 тысяч долларов за опубликование в журнале «Манчестер» истории их семьи.

Лишь беда начало. Газеты подчитали далее, что если Бьючер захочет продать историю своего норабрал-шпиона и северного плена инжининг издательствам, инномангланге и телевизионным фирмам, то сможет получить не менее полуллионна долларов.

Сообщают далее, что шесть американских писателей, присутствовавших на предварительном следствии по делу «Публо», ввату борьбу за право написать книгу о Бьючере.

Естественно, что в Голливуд не остался в стороне от этого бума. Из многих вопросов, оставленных без ответа следствием по делу «Публо», — сообщает из Америки корреспондент английской «Тейл» телегазета, — один представляет значущий интерес для Голливудцев: будет ли из истории захватом «Публо» сделан фильм? Все складывается на том, что да.

Уже составляются списки кинозвезды для участия в фильме. Роль Бьючера прочит Гаспаро Гинири. Когда у автора списки его мнение об этих планах, он отвечает:

— Я бы с удовольствием взялся за эту роль. Могу получить великолепную, сильную картину.

5. Стору нет, моет. Но только в том случае, если в погоне за сенсациями голливудские деятели не позабудут рассказать правду о «Публо» и том, какие возможные авантюры представляют серьезную опасность для всеобщего мира.

ЖУРНАЛ «НОВОЕ ВРЕМЯ»

3.

При проведении широкого круга подводных работ и исследований на глубинах до 30—40 метров большую помощь легководолазам могут оказать водопроникающие подводные лодки. С помощью этих аппаратов можно вести наблюдения и фотосъемку различных подводных сооружений, орудий лова, подводной флоры и фауны. Лодки водопроникающего типа незаменимы для подводных геологических разведок, картографирования аква прибрежных районов морей, озер и прудов.

Для проведения подводных исследований конструкторским бюро Московского авиационного института были спроектированы и построены водопроникающие легкие двухместные подводные лодки типа «МАИ-3».

Лодка «МАИ-3» — автономный двухместный аппарат. Без несущих конструкций выполнена из алюминиевых сплавов, а в остальных частях корпуса использованы химически стойкие материалы: пластмассы и оргстекло. Поводная лодка «МАИ-3» приводится в движение двумя гребными винтами с электродвигателями.

Экипаж подводной лодки использует для дыхания бортовую воздушную систему, состоящую из 6 баллонов емкостью по 7 литров. Кроме того, есть аварийные дыхательные аппараты с баллоном емкостью 1,5 литра, а также аварийный баллон.

При испытаниях и эксплуатации подводной лодки общая производительность пребывания ее под водой составила более 40 часов. Проведенные испытания свидетельствуют о высоких эксплуатационных качествах лодки: она сохраняет устойчивость движения, легко маневрирует на всех режимах, имеет удобное и простое управление. Эти преимущества подводной лодки в сочетании с простотой конструкции и незначительной стоимостью открывают широкие возможности использования в подводных исследованиях.

ЖУРНАЛ «СУДОСТРОЕНИЕ»

4.

На этом снимке, сделанном с высоты 40 метров, видны характерные последствия землетрясения в Каржге. Слово шупалца, протянутое по полю, пубонен извиняется трещины, почти полностью исчезли русло годового потока, протекшегого через дерево (в левой части снимка). В прошлом Каржге был затверст или каржге место отдала.

ЖУРНАЛ «КУРЬЕР КИОНЕСКО»

5.

Увлечение русского астрономом-геодезиста И. С. Пандула «пумилатива», или его коллекции из монет древних и очень редких монет. По подсчетам он имеет в своем собрании монеты, а только русские копейки. Коллекция Пандула русско-копейки, она составляет основу деятельности монетной системы России, сложившейся еще в XV веке. Легендарная денежная система нашего отечества официально была утверждена унификационной реформой 1534—1535 годов. Тогда и появились на Руси «копейная денга» копейки.

В коллекции Пандула есть две «копейки» еще в XV веке. Денежные в 1736 году при Екатерине I есть редчайший аверс и реверс медной копейки Петра I (1713 год). Среди сибирских копейек Екатерина II есть редчайшая в собрании Пандула, особенно редкая — копейка 1713 года.

Среди советских копейек редка монета 1925 года и пробная копейка 1928 года. Они тоже есть у И. С. Пандула. Интересных экземпляров советских копейек Пандула не перечислит. Эта коллекция, поговору, одна из самых богатых и насыщенных в СССР.

ЖУРНАЛ «ФИЛАТЕЛИЯ СССР»

6.

В ГДР проведено любительское исследование с целью проанализировать применение в семьях наказания детей.

К 86 семьям исследователи обратились с тремя вопросами: 1. Как бы себя вели тогда родители, если бы ты завтра утром проснулся и обнаружил 2. Что бы сказали твои родители, если бы ты устал сдучу от покупки, чтобы купить сладостей? 3. Как бы отнеслись твои родители к пятерке (по-нашему — единице), полученной в школе?

На эти вопросы было получено 198 ответов. Исследователи разделили их на три группы, по степени тяжести наказания: жесткие наказания, строгие и легкие.

К жестким бы отнесены телесные наказания, домашний арест, прекраще в др. Названия они были 84 раза, а большинство случаев это побок. К строгим мерам отнесены выговоры, запреты, порицания, лишения карманных денег, удовлетворений. Названы они 95 раз. Чаще всего — 56 раз — это выговоры. Примерно треть ответов (69) падает на легкие наказания.

Таким образом, в семьях преобладают строгие наказания. Педагог Курт Гуальтер, подводя итог интересному исследованию, считает, что это явление очень тревожащее, свидетельствующее о слабости и неуверенности многих родителей в вопросах воспитания, приводящее к эмоциональному жесту детей и родителей чувства недоверия, разочарования, и дает родителям ряд полезных советов.

Ребенок никогда не совершает проступка без причины, только после ее выяснения надо выдвигать справедливые наказания. Родители не должны рассматривать каждый поступок как «алюстный», помня, что дети

Материалы печатаются с фотографий, сделанных в процессе съемки.

6—10 лет легко увлекаются, запоминаются, подпадают под мгновенные настроения. Особое внимание следует обратить на возможные разрушительные атмосферы в семье.

ЖУРНАЛ «СЕМЬЯ И ШКОЛА»

7.

На Четвертом межамерианском фестивале более трехсот исполнителей представили произведения пятидесяти самых композиторов стран западного полушария. Однако на фестивале не было ни одного произведения подлинно талантливых сочинений, — отмечает музыкальный критик Чарльз Денхам. — Подавляющее число сочинений можно спокойно отнести к категории «столь же мещанской, определенной куда-то Игорем Стравинским как музыка на заказ».

Некоторые ультравагнеристские ритмы латиноамериканские музыканты пытаются «оригинальными» эффектами возместить отсутствие традиционных массовых инстинктов, авторы из школы «Случайной музыки». Композитор из Перу Сезар Дельгадо в своем «Дивертисменте Ш» заставлял пианиста играть на барабанах, а дирижера — звенеть бубенчиками. Время от времени пианист вставал, проделывая выходы по сцене как указано в одном месте партитуры, «подходит к пианино и поворачивает его на 180 градусов». В заключительной части «Дивертисмента Ш» три оркестранта подают свои места, спускаются в зрительный зал и вместе громко кричат «А!».

Шанхайем встретили публично исполнение пьесы чилийца Густаво Басерры под названием «Игра». Это было действительно нечто удивительно новое. Одновременно с игрой пианиста включаются магнитофонная лента с записью другой фортепианной музыки, а сидища за роялем псевдонимом играют в поющую ленту, кулачки и барабанный палочкой. В заключении с большой силой шмыгает в струны рояля чмок из пин-попа...

«Я бы рекомендовал фирме «Стейнвейл» — пишет критик, имея в виду подобные сочинения, — начать производство роялей из бетона и стали».

ЖУРНАЛ «СОВЕТСКАЯ МУЗЫКА»

8.

Китайские врачи, получившие образование по программе европейской медицины, подобно сотням тысяч других специалистов, преподавателей китайской интелигенции, направлялись для переподготовки в физические работы. Их место в больницах заняли наскоро подготовленные лекари, которые обучили в течение всего лишь нескольких месяцев. Общеобразовательная подготовка этих «медиков» не превышает трех классов начальной школы, но зато они вооружены «цифрами Мао». А в это время квалифицированные врачи волат тачки с землей.

ЖУРНАЛ «ДОКОЛО СВЯТАГО ПОЛЬША»

9.

Конструкторским бюро ВЗБ закончены разработки, монтаж и наладка сложного комплекса оборудования телефонной станции бесшумного типа. Эта станция обеспечивает эксплуатацию междугородных телефонных станций бесшумного типа தொடர் имеет от 300 до 3 000 каналов по скорости системы. Такие междугородные телефонные станции бесшумного типа தொடர் имеют от 300 до 3 000 каналов по скорости системы. Такие междугородные телефонные станции бесшумного типа தொடர் имеют от 300 до 3 000 каналов по скорости системы. Такие междугородные телефонные станции бесшумного типа தொடர் имеют от 300 до 3 000 каналов по скорости системы.

ЖУРНАЛ «НАУКА И ТЕХНИКА», ЛАТВИЙСКАЯ ССР

10.

Семье сорока лет тому назад, 19 сентября 1928 года, летчики Барт Хеса и Перик Крамер пытались совершить беспосадочный перелет из США в Швецию. Но на пути в Гренландию их самолет потерпел аварию. Сами они уцелели. Хеса и Крамер обнаружили спасательный парашют. Самолет типа «Стенсон» остался среди вечных льдов, и найти его в снежных просторах Гренландии становилось все труднее. Остатки обломки из экспедиции удалось обнаружить этого ледника только. Теперь самолет вывезен из Гренландии и доставлен в один из американских музеев.

Как оказалось, оба авиатора, прижившие после жизни в пустыне, достигли преклонного возраста. Характерно, что до сих пор они все еще по частям выплачивают хозяину «Стенсона» деньги за каждый сантиметр парашюта и по меньшей мере 40 лет назад самолет.

ЖУРНАЛ «КРЫЛЬЯ РОДИНЫ»

11.

Министерство торговли утвердило проект экспериментальной столовой. Она не похожа ни на одну из существующих.

Обед можно будет получить с конвейерной ленты. Не человек будет двигаться с подносом, а

поднос сам придет к нему. Члены конвейера будут установлены параллельно. Персонал столовой вдоль этих конвейеров будет работать по принципу сборщиков автомобилей на конвейере. Конвейер будет установлен параллельно. Персонал столовой вдоль этих конвейеров будет работать по принципу сборщиков автомобилей на конвейере. Конвейер будет установлен параллельно. Персонал столовой вдоль этих конвейеров будет работать по принципу сборщиков автомобилей на конвейере.

Такой объединенный конвейер придется по душе посетителям, и особенно тем, кто спешит.

ЖУРНАЛ «ИТО»

12.

В течение трех последних десятилетий разрыв между фермерами в разных районах Соединенных Штатов массами покидали родные места, чтобы найти счастья в больших городах. С 1940 года число американцев, живущих на фермах, сократилось с 30,5 до 10,5 миллионов. Однако и в городе большинство бедняков так и остались бедняками, заполняя трущобы районов Чикаго и других городов. Многие из них хотели бы теперь вернуться обратно, но совершенно неочевидно, что это невозможно, пока условия жизни в сельской местности остаются такими же, как и сейчас. Как заявил министр сельского хозяйства Гардин, «мы должны попытаться обеспечить сельским жителям Америки возможность получить работу, образование, пользоваться библиотеками, медицинскими обслуживаниями и прочими благами цивилизации». Пока, однако, нынешняя администрация еще не сформулировала своей сельскохозяйственной политики.

На снимке: дети переселенцев из Аппалачи на улице трущобного района Чикаго.

ЖУРНАЛ «ТАМ», США

13.

Официальная дата рождения отечественного автопортра — 11 ноября (по старому стилю) 1898 года. В этот день под Петербургом, между станциями Александровской и Стрельной, состоялась первая автомобильная дистанция 41,6 километра. Участвовали в гонках 7 гоноксиков (шесть в тринадцатилетних — трехколесных мотоциклах, один — на автомобиле), Победитель гонок — П. Н. Веллер; на трицикле «Клеман» достиг средней скорости 24,5 километра в час.

ЖУРНАЛ «АВТОМОБИЛЬНЫЙ ТРАНСПОРТ»

14.

Известный американский физик-теоретик Дайсон (советским читателям известен по названию космической «сферы Дайсона») опубликовал статью о возможности существования инженерной деятельности, в которой он рассуждает о возможности инженерной деятельности по его мнению, проявления такой деятельности в различных цивилизациях.

В конце своей статьи автор задает вопрос: почему в нашей Галактике мы не наблюдаем никаких признаков инженерной деятельности? «На этот вопрос возможны два ответа, — пишет Дайсон, — либо мы не видим инженерной деятельности потому, что ее еще недостаточно тщательно. Долго обдумывая эту проблему, я несколько пришел к выводу, что первый ответ более вероятен. Я чувствую, что если бы в нашей Галактике действительно существовало расширяющееся, технологически развитое общество, то результаты его деятельности проследов бы в галактике, и мы бы постепенно изучали по всей Галактике бережно задерживаемые звезды. Звезды не дымилась бы безостановочно, а были структурированы и организованы. Ионизи следов инженерной деятельности в Галактике наблюдались бы по всей ее, а не только на острове Манхэттен. Если бы общество развитого общества в нашей Галактике расширялось, если бы существовало большое число технологически развитых обществ, хотя бы одно из них, вероятно, добилось бы своего развития».

Итак, я настроен весьма скептически по отношению к существованию какой-либо инженерной деятельности. Возможно, что возмозможности жизни — эта вещь вероятнее события, чем считая себя специализацией по инженерной деятельности. Возможно также, что обычно разум развивается без технологической помощи. Однако, если бы существовала истинная, синтетическая не охватывает, что исходит из инженерной технологии, я хочу, чтобы мы продолжали относиться к ней с возможной серьезностью и научной объективностью».

ЖУРНАЛ «ЗЕМЛЯ И ВСЕЛЕННАЯ»

15.

Испанское студентство все больше часто выступает против римского генерала Франко. Многочисленные демонстрации, захват университетских зданий становятся обыденным явлением в жизни страны. Не в Испании — в стенах медицинского факультета Барселонского университета вывешивают джери, чтобы занять помещение факультета.

ЖУРНАЛ «ДЕР ШПИГЕЛЬ», ФРГ

Хирург перед операцией... Актер накануне премьеры... Физик во время эксперимента... Кто бы на их был, этот человек, ему трудно избежать состояния стресса.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

НАУКА: ПСИХОГИГИЕНА

Вера ДОРОФЕЕВА

Нак часто меняются определения нашего века. Иные, просуществовав всего десятилетия, уступают место другим. Еще на памяти живущего поколения это был «век электричества», потом «атомный», «век кибернетики», наконец, «столетие космоса». Врачи вправе назвать наш век «веком стресса».

Новые научные открытия получают права гражданства, становятся средством, увеличивающим и без того интенсивный темп бытия. Турбины реактивных самолетов и многосильные моторы автомашин сжали время до предела. Темп, в котором живут большие города, захватывает все большее число людей. И жизнь каждого человека становится уже поисданово насыщенной острыми ситуациями.

Появились профессии, которые, пока еще в узком кругу врачей, называют стрессовыми. Причем имеются в виду не только космонавты, парашютисты или летчики-испытатели. Никто еще не исследовал психического состояния ученого накануне решающего эксперимента и тем более во время его. А ведь такой эксперимент может иногда продолжаться несколько суток. Хирургическая операция длится порой «только» несколько часов, но какой мерой можно измерить напряжение, которое испытывает хирург, когда в его руках в буквальном смысле жизнь и смерть человека. Ну, а учитель во время урока, актер на сцене?

Каждому из них и многим другим в определенные минуты жизни нужно обладать таким комплексом качеств, какой приписывали в старину легендарным героям. Выдержка, мгновенная реакция, способность собрать свою волю в единый железный кулак... Но феномены встречаются, как правило, в древних легендах и в фантастической литературе. Как исключения, они встречаются и в жизни. Во все времена существовали люди, которые необыкновенно владели собой в исключительных обстоятельствах. Но герои и выдохлиась личности не составляют человечество.

Отвлечемся от острых ситуаций. Возьмем современного человека из тех, кого мы называем людьми интеллектуального труда, в его обычной, повседневной деятельности — в промежутках между чрезвычайными экспериментами и международными симпозиумами. Да он просто захлебывается в потоке информации в колодах бумаг, брошюрах, в художественной литературе, наконец!

Причем этот поток имеет тенденцию к ускорению, что характерно именно для нашего времени. Ни одно из предмудрых поколений не испытывало подобного «напора» новой информации. Психический аппарат человека — то, что мы называем личностью, — еще не приспособился «усваивать и перерабатывать» такое количество новой информации. Возможно, грядущие поколения будут лучше приспособлены. Между тем наблюдаются возникновение разных форм неврозов, связанных с

ТРЕНИРОВКА

перегрузки нервной системы, так как усвоение большого количества информации вызывает колоссальный расход энергии. И если здоровый, достаточно образованный и, следовательно, подготовленный человек, со сложившейся нервной системой, преодолевает эти рубежи более или менее спокойно, то гораздо сложнее дело обстоит у старших школьников.

А ведь возраст 15—16 лет — время самого интенсивного формирования личности. В этот период все психические процессы очень активны. И справиться с огромным потоком информации молодым людям часто бывает очень трудно. Данные мировой статистики говорят о том, что наибольшее число психических заболеваний падает на возраст от 15 до 19 лет.

Но отвлекемся и от интеллектуальных профессий и обратим взгляд, скажем, на часовой завод.

Молодой, абсолютно здоровый человек работает на конвейере. Изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год он повторяет одну и ту же очень мелкую, очень точную операцию и постоянно в условиях жесткого диктата времени. Вначале он тревожится, что не справится, не успеет, даже немного суетится, потом приспосабливается на какое-то время — на несколько лет — а потом... наступает истощение нервной системы.

Что это? Классический стресс во всех его трех стадиях, хотя острой ситуацией здесь и не пахнет. А в результате молодой, физически крепкого человека, квалифицированного специалиста приходится переводить на другую работу...

Быть может, эти короткие зарисовки людей второй половины XX века выглядят несколько мрачно. Все-таки современный человек перед лицом бурного технического прогресса так или иначе справляется с нервными перегрузками. Так или иначе...

Бурный темп жизни, постоянно возникающие острые ситуации, все увеличивающийся поток информации — не слишком ли много, скажем, для простого обывателя, для слабого человека? Что остается таким людям?

Разрядиться, отключиться от действительности любым способом. Недаром потребление спиртных напитков в мире приобрело поистине невообразимый масштаб. А наркомания стала во многих странах национальной традицией, мировой проблемой, которой занимается сейчас ЮНЕСКО.

Другие слои общества широко употребляют транквилизаторы — психофармакологические средства, действительно способные успокоить, снять тревогу, раздражение, вернуть равновесие. На Западе их производство и потребление приобрело такой размах, что в светской беседе стал обычным вопрос: «Какие транквилизаторы вы предпочитаете?»

Но эти препараты были задуманы как лекарственные средства и только так и должны употребляться — по назначению и под наблюдением врачей, короткими курсами, для снятия болезненных невротических явлений.

Если же здоровые люди постоянно пользуются транквилизаторами, то они припадают уже не болезненные, а естественные физиологические, пусть даже иногда несколько чрезмерные эмоции. Ведь в этих случаях транквилизатор подавляет закономерную, выработанную в эволюции реакцию человека ответную реакцию на воздей-

Предд физическое и нервноое напряжения. Сегодня этот спринтер пришел первым. Но сможет ли он победить завтра?

Фото Льва БОРОДУЛИНА

ВЫЧАЙНОСТЬ

Рисун Геннадия НОВОЖИЛОВА

«Котелов твой для туристских походов годится... со знанием поудав Лыньков... нашу в нем хорошо варится!»

— И что? Хотите проработать надо это вариант! — стоял на своем Эдик. — Вы не смотрите, что они ученые, интеллигентны!

Лыньков медленно поднялся, потянул свою ланчу со стола. Коновалов тоже встал.

— Фактны я вам побуду, не сомневайтесь! — оборачиваясь сказал он. — Я хоть тут и немолодой, а все довольно специфично насизво поминую. Такого фактны побудею... буду зорув!

— Учтите, что лобные фаты... деревянным голосом произнес Лыньков, — нуждаются в тщательной проверке и уточнении. Надеюсь, вы меня полагает!

— Я вас понал! — горчико заверил Эдик, но лсные глаза его расстерянно забегали. — Все проверим до точности.

Лыньков с трудом удержался, чтобы не хлопнуть дверью под носом у понитивного Эдика.

Провература была совсем близко от институты — винут шесть ходу пенсионерским шагом.

Лыньков с разгана взял эту дистанцию манусму за полторы минуты и сам даже удивился, заметив, что уже поднимается по лестнице в здании промуратуры.

Версии, версии, вагон версии, а фактны ит напелася! — думал он, шагая по коридору и наметив начальника отдела. — Потому и версии много, что фактов мало...

Когда Лыньков закончил свой довольно бесцветный отчет, Иван Михайлович некоторо время молчала, барабанила пальцами по столу.

— Материала действительно негусто, — отозвался он наконец. — Ну, а как повашему, специфична институту не миграв никакой роли в промшности?

Лыньков помял плечами.

— Непосредственно с работой лабораторий я еще не успел ознакомиться. Но маловероятно все-таки... Обстоятельства происхождения самые разнообразные, и фичине никакого отношения не имеют.

— Непонятно все же, — сказал Иван Михайлович, — почему именно в лабораториях... Очень непонятно. И вторая деталь... пропавшая записка. Версию шантажа вы решительно исключаете?

— Работы, которые велись в лабораториях Ле-

вичного и Стружкова, засекречены не были, так что вроде бы...

— Но в других-то отделах института есть засекреченная работа! — возразил Иван Михайлович. — И Левицкий мог ведь что-то знать об этих работах...

— Конечно, мог, — согласился Лыньков. — Такой вариант не исключен. Тогда в записке Левицкий мог сообщить, кто и что является причиной его смерти. И забрал записку тот, кому это разоблачение чьего-то грозило.

— Логично, — сказал Иван Михайлович. — Но, значит, это человек все время наблюдал за Левицким. Ведь чтобы вовремя перехватить записку, нужно было следить за каждым его шагом... и нужно было знать о замыслах самоубийства.

— Или самому подготовити это самоубийство, — хмуро заметил Лыньков. — Хотя, с другой стороны, зачем бы тогда Левицкому писать записку?

— Могло быть и иначе, — возразил Иван Михайлович. — Левицкий, возможно, вовсе не собирался кончать самоубийством. Содержание записки могло быть, допустим, такое: «Я залутился, сделал то-то и то-то, ну, завянуть об этом». Кто-то прочел эту записку, понял, чем это для него пахнет, и вот тогда организовал это «самоубийство». Или же он догадался о решении Левицкого как-то иначе, не прочитав еще записки... это мне кажется даже более вероятным...

— Теперь примем. Во-первых: кому могла быть адресована записка и кто имел больше всего шансов ее обнаружить раньше времени? Во-вторых: кто знал Левицкого так хорошо, что мог по его поведению понять, на что он решится?

Лыньков молчал, сжав губы. Ему было очень не по себе.

— По-видимому, таких людей немного, — продолжал Иван Михайлович. — Стружков... Берестова... Хотя Берестова, видимо, исключается, раз она давно уже не встречалась с Левицким.

— Мог ведь быть и кто-то третий, тоже из институтских работников... тико сказал Лыньков. — Ни Стружков, ни Берестова не могли бы, мне кажется, действовать так предусловительно, точно и хладнокровно, как было бы необходимо в данной ситуации.

— Я понимаю, что в это поверить трудно, — сочувственно отозвался Иван Михайлович. — Мне

и самому эта версия очень не по душе. Но все-таки мой вам совет: наблюдайте тоже и за Стружковым! Осторожно, обентивно, не торопясь. Я понимаю, отпуск ваш срывается, но мы наконец-то будем это потом сбалансировать, мое вам слово...

— ЕСТЬ! — уставло отозвался Лыньков, вставая. — Заду в библиотеку, затем вернусь в институт, лабораторию мне надо посетить...

— В общем, действуй, действуй! — поощрил его Иван Михайлович, сивная трубу телефона.

В городской библиотеке Лыньков представил свое удостоверение и сказал нарочито небрежным тоном, что его интересует один вопрос: можно ли при помощи библиотечного учета установить, кто и сколько времени был в читальном зале в тот или иной день. Заведующая читальным залом, маленькая энергичная женщина, принципиально полагая на него сиесть толстые линзы очков,

— Это вы для любви! — деловито осведомилась она. — Ито конкретно вас интересует?

«Ишь ты, какая притыка!» — удивился по себе Лыньков.

— В данном случае я хочу выяснить лишь принципиальную возможность, — сугубо официально тоном ответил он. — Существует, по вашему мнению, такая возможность или нет? Или вы сотрудничали в лицо знают. Если это кто-либо из них... — Она многозначительно замолкла.

— Речь идет не о конкретных личностях, — вежливо повторил Лыньков, — а о принципе. Сколько времени хранится взятые книги?

— Неважно, Перидина — три дня. Например, двадцать первое мая... или двадцатое. Могли бы вы точно установить, кто работал двадцатого мая в читальном зале?

Они разговаривали в полусобойном помещении читального зала в читальном зале.

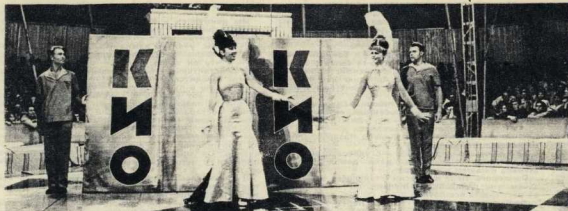
Заведующая поехала взглядом по этим лачкам и с сомнением поочкач головой.

— Это заняло бы слишком много времени, — сухо сказала она. — Мне просто неохота постанта на такие резасы.

— Розынькая и я сам могу заняться, вы только объясните принцип, — поспешно заявил Лыньков: это его вполне устраивало.

ПО ТУ СТОРОНУ

ФОРМУЛА

Илья АДОВ

Владимир ПАНЯРСКИЙ (фото)

дванды, лет семнадцать назад, когда я наместил Эмиля Теодоровича Кию в его эротическо-усобной в Московском цирке, туда бежал «лиллипут»: Эмиль, что я видел, пал... — и смущенно умоли, заметив постороннего. Это был, как я потом разглядел, мальчишка, надменный в костом лиллипутов, составивших «свету ассистентов» мастера.

— Мой сын Игорь, — представил его отец. — Учтите быть циркомом. Вынамет, сооробает. Сиюро ему деать исполнит.

Со старшим сыном, тезкой отца, Эмилем, я вскорде познакомился дова у Эмиля Теодоровича. Рядом со своим младшим братом он казался уже взрослым, почти студентом. Эмиль готовился к поступлению в вуз. Особую серьезность придавали его лицу очи.

— А Эмиль не «заразился» цирком? — спросил я.

— Будет ученым, любит математику. А впрочем, кто знает...

И вот прошло семнадцать лет. Нет уже роднональщица династии Кию, но есть его наследники, принявшие эстафету из рук отца, но дающие жанру, прославившему советское иллюзионное искусство.

Громная слава гремела о чудесах народного артиста РСФСР Эмиля Кию. Его имя проносили с величайшим почетом даже в кругах специалистов. В Лондоне, когда он там гастролировал, Всемирный клуб фокусников устроил в его честь особый прием и торжественное заседание, на котором президент клуба провозгласил Кию лучшим иллюзионистом мира и объявил, что его имя заносится на почетную доску.

С Эмилем Теодоровичем меня связывала многолетняя дружба, и в часы наших встреч и не устал слушать его «случай из жизни». Они в большинстве своем и составляли страницы его биографии. Не очень легко пришел он к славе, и о трудном пути к ней он собирался написать книгу. Не привелось.

— Вы знаете, что у меня высшее эдское образование? — как-то сказал он мне, улыбаясь. — Я не шучу, у меня где-то справка валяется.

И тут я услышал рассказ о том, как началась его карьера. Надо сказать, что в цирк он пришел не иллюзионистом — знаменитый цирковой босс Александр Мининский принял его на должность билетера. Следующей ступенью была работа в группе гимнастов под руководством Краузе. Тогда этот номер подпадал под устрашающим названием «Десять минут между жизнью и смертью». Почти полвека назад такая реклама была в порядке вещей.

И только испытав себя еще в ряде жанров, он нашел трюпину и сердцу «известного фанара Бен Али». Этот загадочный титул носит и то давнее время Станислава Янушевский. Старому иллюзионисту приглянулся пытливый молодой артист, и он постепенно стал открывать ему тайны своего искусства.

Но вернемся к «академическому образованию». Проработав некоторое время у Бен Али и ознакомившись с азанами его искусства, Кию решил впервые овладеть высотами иллюзионного искусства. Для этого была изумна специальная аппаратура. Изготавливала ее в ту пору (в двадцатые годы) фирма «Хорстер» в Берлине. Собрав, сколько сумо денег, Кию отправился туда, но нужной суммы не хватило. Из всего богатого ассортимента немецкой фирмы удалось приобрести только один — «волшебный ящик». Как с ним обращаться? Это можно вымат из него? Начинаящий иллюзионист не имел никакого опыта. Хорстер предложил ему за соответствующее вознаграждение — пройти курс обучения в «Академии эдологии», созданной фирмой. С «академиею» этого «бузас Эмиль Теодорович» и вернулся домой.

На одном ящике, даже «волшебном», далеко не уедешь. Выступать только с ним в цирке невозможно. Что это за номер на пятнадцать минут? Надо создавать репертуар, надо найти свою дорогу... Куда направлять поиски?

Известно было, что еще в прошлом веке в России подвизались замечательные фокусники и чародее. О них писали газеты и журналы. Были книжечки, рассказы, а также о чудесах иллюзии. И Эмиль Теодорович на время превратился в исследователя. Много дней провел он в Ленинградской публичной библиотеке имени Салтыкова-

Эмиль Теодорович Кию.

Эмиль Эмильевич Кию.

Игорь Эмильевич Кию.

Огонь — настоящий. Остальное — иллюзия.

Игорь творит чудеса, но окружая себя таймой, и все же его трюки остаются для зрителя таймой до конца.

...В клетку входит девушка. Секунда затемнения. Свет. В клетке живой лев. А девушка?

Щедрина, изучая литературу столетней давности, Журналы «Северная пчела», «Московский наблюдатель»... Да, есть любопытные рассказы о чародеях. Например, Боско: Он действительно творил чудеса. Такой номер. Из пустого мешка он извлекает птицу, ощипывает ее, кладет в кастрюлю, закрывает крышкой, а затем подымает ее, и из кастрюли вылетает живая и невредимая птица. Интересно? Конечно. Но как это делал Боско? И как делалось все прочее, о чем писали журналы?

Что, собственно, может дать изучение такой литературы об опыте предшественников, как открыть тайну их мастерства? Ее хранили веками жрецы-чудотворцы еще во времена глубокой древности. Инги рассказывали о том, что жрецы Египта тысячи лет назад пользовались хитроумными фокусами как средством духовного порабощения народа. Храмы древности в какой-то мере были аренами, где иллюзионные представления порабощали толпы людей неразгаданной тайной волшебных метаморфоз. То на храмовых стенах возникли невероятные писмена, то под куполом исконно и занемывалось солнце, то из мамыи сочилась вода, жрецы стирали со стен собственную тень...

Это небольшое отступление в далекое прошлое должно объяснить, почему в последующие времена — а в буржуазном мире и теперь — немало фокусников, прощителей, гадалок, составителей гороскопов, предсказывающих судьбы легковерным обывателям, выступают под маской таинственности. «Провидцы» в своих черных кабинетах окружают себя устрашающими символами потустороннего мира, осклаиваются черепами, а «баныры», выступающие перед толпой, наряжаются в

Франция

ДЛЯ ТЕХ, КТО ВЕСЬ ДЕНЬ НА НОГАХ...

У вас устали ноги, болит спина. Но возможности изменить условия своей работы у вас нет. Вот мы и предлагаем вам несколько упражнений, которые значительно облегчат вам рабочий день.

1. Максимально используйте те короткие мгновения, когда вы можете посидеть. Обхватите сложенными пальцами рук правое колено. Ступней правой ноги начните описывать круги. Нога при этом не должна напрягаться. Проделайте то же упражнение для левой ноги.

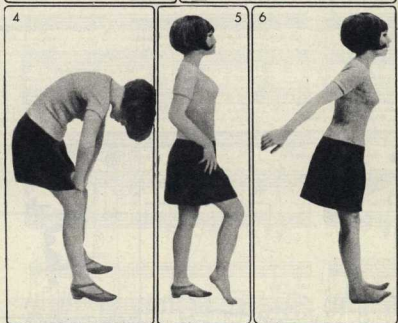
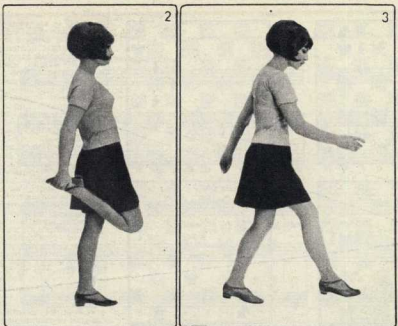
2. А это упражнение вы можете проделывать незаметно, стоя, например, за прилавком. Схватите ступню правой ноги обеими руками, очень сильно прижмите и бедру. Сделайте то же самое и для другой ноги.

3. Несколькими раз сплотно, не напрягаясь, покачайте ногой взад и вперед, сопровождая это движением рукой. Проделайте это упражнение десять раз, затем смените ногу.

4. Вы чувствуете усталость и нервное напряжение... Немного расставьте ноги, согните спину, наклонившись вперед, руки поставьте на колени, трижды медленно и глубоко вдохните в себя воздух.

5. Снимите туфлю, поставьте ногу вперед на кончики пальцев, затем медленно переступите на пятку. Теперь проделайте то же самое, но уже в обратном направлении с пятки на кончики пальцев. При этом вы должны медленно и сильно опираться на подошву. Поменяйте ногу.

6. Сделайте то же самое движением, но уже сняв обе туфли. Уравновесьте тело с помощью рук поднимайте их вперед-назад. Проделайте это упражнение десять раз.

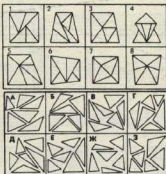

7. В тот момент, когда нет покупателей или посетителей, слегка расставьте ноги, постепенно перевесите тяжесть тела с правой ноги на левую, а затем с левой ноги на правую.

8. Отставьте левую ногу в сторо-

ну, левую руку положите на бедро, наклонитесь в сторону оставленной ноги, поднимая вверх правую руку. Сплотно поменяйте ноги, перенесите медведь раз тяжесть тела с одной ноги на другую.

Материал подготовила Светлана ВИТЮГОВА

1.

На верхнем рисунке восемь разных фигур, из которых каждая поделена на шесть треугольников. На нижнем — те же части фигур расположены произвольно. Попробуйте определить из глаз, какие треугольники, размещенные на полях от А до З, образуют фигуры, обозначенные цифрами от 1 до 8.

2.

Прямоугольники сплошь заполните десятимя пятизначными фигурами прилегающей формы. Фигуры можно укладывать в любом положении.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕЛНЬ» № 9

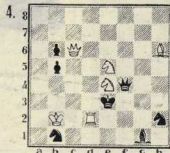
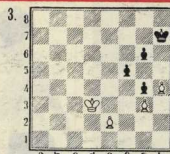
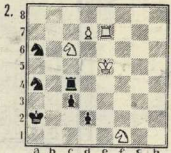
1.

5	7	12	0	2	
1	6	8	13	1	3
8	13	15	20	8	10
6	11	13	18	6	8
3	8	10	15	3	5
1	0	1	2	3	
11	16	18	23	11	13

1 + 5 = 6,
1 + 7 = 8,
1 + 12 = 13,
1 + 0 = 1,
1 + 2 = 3
и т. д.

2.

ТРЕТИЙ ТУР

ПОПРОБУЙТЕ РЕШИТЬ:

На первой диаграмме изоэвровена остроумная задача, которую в свое время составил выдающийся датский гроссмейстер А. Нильдхольм (1887—1935 гг.). Оригинальную идею гроссмейстера ис-

пользовал в этом творческом шахматном композиторе Э. Погосьян.

В задаче белые начинают и дают мат в три хода, если един же этюд — на второй диаграмме — белые начинают и выигрывают.

Любопытную пешечную комбинацию вы видите на третьей диаграмме. Как, по нашему мнению, должна закончиться борьба при ходе

белых и, естественно, при последующей игре соперников?

И, наконец, на четвертой диаграмме перед вами эффектная старинная задача двухходовки.

Тем же читателям, кто не ускачет в решения шахматных комбинаций, хотим предложить несомненно основательный принцип:

Условие задачи — дать мат в строго определенное чис-

ло ходов — выполняется при любой, даже самой изобретательной защите и востригче черных: количество ходов и пешечная атака неизменно, можно лишь указать верный способ достижения единственного или ничейного положения.

Активной стороной действующей партии ход и выполняющей задачу, являются белые, черные же — сторона обороняющаяся, противодействующая.

Вступительный ход белых можно отложить: без шаха. Первым ходом, как правило, не берутся черные фигуры и не снимаются «сплошные поля» у черного короля. Исключения бывают очень редко и компенсируются оригинальностью решения.

Наконец фигура или пешка в композиции и это обстоятельство существенно отличает ее от положения из практической партии) имеет свое назначение, статистику на доске нет и в конце случается это правило не высветит белого короля. Решение задачи или этюд обычно связано с красивой комбинацией, тонкости маневров или несомненным тактическим ударом.

ВАШИ КОММЕНТАРИИ

Предлагаем текст интересной, соревновательной шахматной — партии, которую участники олимпиады в жюри проанализировать и сформулировать свои примечания: 1. e4 d5 2. c4 e5 3. e5 c6 4. Kf3 Cx4 5. Cc2 Kc6 6. Cx3 c7 7. d5 Kc7 8. Фd2 9. Kgl C. e2 10. Kg. e2 f5 11.

f3 Kf6 12. 0-0-0 Fe 13. fe Kf4 14. Cx1 0-0 15. Kf3 Фd7 16. Kf1 Kf6 17. Cx3 Kd7 18. Фd3 a6 19. Kf1 b5 20. Kf1 b4 21. Kc2 c6 22. c4 b5 23. de Ф:e4 24. K:c3 d4b5 25. Kf3 Kf4 26. Jd2 Jf8 27. Jc1 d5b7 28. Jc3 d5 29. e4:3 30. Фd2 Kc: e5 31. Kf1 Kd7 32. Jc4 J1: e4 33. e4:3 34. K: e3 34. K: e3 34. J: d7 Ф: d7 37. Ф: b8 Фd3: 38. Kf1 Ф: c3 + Белые сдались.

ВИКТОРИНА

1. Кто играл в первом матче ренессанса на первенство мира по шахматам и кто в последнем матче ренессанса? Котлов и Гасе. Произошло ли это состязание?

2. Какое начало шахматной партии, имя и почему было названо «Аллемским гамбитом»?

За правильные, исчерпывающие решения композиции и за ответы на вопросы викторины участники олимпиады присудятся по два балла, за комментирования шахматной партии — до восьми баллов.

Напомним всем читателям, желающим включиться в нашу олимпиаду: присылайте четкие, ясные ответы, в решениях пользуйтесь полной шахматной нотацией, на конверте дайте пометку «XII шахматная олимпиада «Смена»».

Письма на третий тур олимпиады отправляются в адрес редакции журнала «Смена» (Москва, А-15, Бумажный проезд, 14) не позднее 25 июля 1969 года.

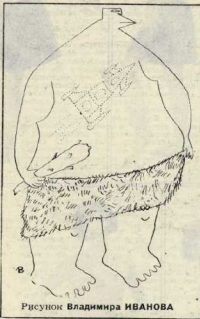

Рисунок Владимира ИВАНОВА

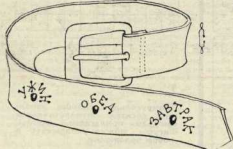

Рисунок Валерия СУДАРЕВА

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

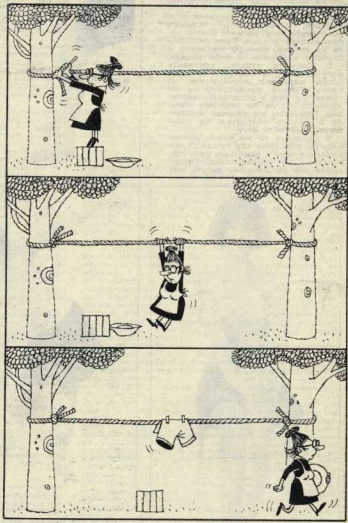

Рисунок Владимира БЛАНКМАНА

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87.

Сдано в набор 7.1V 1969 г. А 00090. Подписано и печатано 28.1V 1969 г. Формат бумаги 70 x 108/16. Уч. изд. л. 9,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж — 180 000 экз. Изд. № 1221. Знака № 052. Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Байкал

Спокойно, в умеренном темпе

Музыка Игоря БАРАНОВА
Стихи Леонида ДЕРБЕНЕВА

Мне вновь и вновь
Напрямлет асы ночь
Сквозь волны у диких скал.
И твои тайга, и твои берега,
И заря над тобой, Байкал
И в любой стороне,
Наву и в ои оне,
Ты со мною всегда, Байкал!

Весной с утра там гудят ветра
И бушует девятый вал.
А придет зима — сходит выхои с ума.
Сколько видел ты их, Байкал!
Где бы мне ни бродить,
Ты как сердце в груди,
Ты со мною всегда, Байкал!

К тебе опять я приду дышать
Синим ветром у диких скал.
Там, где недры в ряд
Велюча стоят,
Как твои сыновья, Байкал
Сколько б годови ни шлх,
Как о первой любви,
Не забыть о тебе, Байкал
Байкал! Байкал!

Спокойно, в умеренном темпе

Мне
- га, и за- ря над то- бой, Бай-
и вновь и вновь на- про-
- лет всю ночь СНЯТ-СЯ
вол- ны у ди- ких скал. и тво-
- дв, Бай- кал! вес- нкал! Бай-
- я тай- га, и тво- и бе- ро-
- кал! Бай- кал!

КРОССВОРД

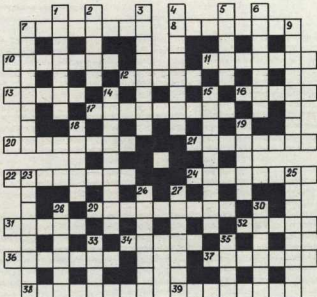
Составил Р. ПУЩЕЛАДЗЕ,
г. Целиноград

По горизонтали:

- Советский физик, трижды Герой Социалистического Труда.
- Русский поэт.
- Основное население автономной советской республики.
- Столица союзной советской республики.
- Русский народный инструмент.
- Соединение элементарного химического элемента с кислородом.
- Плод тропического дерева.
- Дельфин.
- Корюшковое бобовое растение.
- Горный лавер Швеции.
- Птица отряда куликов.
- Площадь для конских бегах.
- Устройство для управления самолетом без участия летчика.
- Специализированное хозяйство в колхозе, совхозе.
- Роман Г. Мопассана.
- Электронная лампа.
- Рабочий машиностроительного завода.
- Советский летчик-космонавт.
- Остров в Японии.
- Демонстративное збиромасличное растение.

По вертикали:

- Художественный прием преувеличения в литературе и искусстве.
- Горный район в Сибири.
- Богатырь, герой русских былин.
- Устройство для преобразования постоянного тока в переменный.
- Фруктовое дерево.
- Государство в Европе.
- Тригонометрическая функция.
- Старинный русский город.
- Героиня пьесы М. Горького.
- Южное созвездие.
- Водное растение, разводимое в аквариумах.
- Басня И. А. Крылова.
- Композитор, автор оперетты «Периола».
- Персонаж романа И. С. Тургенева «Отцы и дети».
- Советский поэт и драматург.
- Единица длины.
- Часть света, состоящая из двух материков.
- Народный артист СССР, актер и режиссер МКАТА.
- Спутник Сатурна.
- Чешский писатель.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали:

- Сенноосилка.
- Железобетон.
- Пепел.
- Иосиф.
- «Калинка».
- Вилкопи.
- Конакри.
- Головазов.
- Калорифер.
- Калри.
- Ратификация.
- Вуфта.
- Колдункор.
- Регулятор.
- Чирюна.
- Галилей.
- «Колона».
- Арон.
- Шуман.
- Филлодендрон.
- «Поробейнион».

По вертикали:

- Лебедь.
- Дюссенко.
- Домой». 4. Гинербола.
- Савроци.
- Лаборатория.
- Винноградия.
- Алсай.
- Полдосновие.
- Гобой.
- Манипулятор.
- Орбостроина.
- Коваров.
- Пайрет.
- Урор.
- Тулор.
- «Наворонко».
- Сенгунд.
- Арлгитон.
- Сакухова.
- Преси.

**ПО МОТИВАМ
ПРОИЗВЕДЕНИИ
И ЧАВЧАВАДЗЕ
(чеканка).**

(«Натюрморт».— даже этот обычный сум с разноцветными пушинами и новшами воспринимается как частичка жизни хорошо знакомых художнику людей. Как будто он сохраняет тепло их рук — всем, и чему они принадлежат. И оттого так светится и блистает все, так чисты ирасси на картине молодого художника.

Чеканка Сирбиладзе интересна своим грубоватым, «земным» происхождением. Может быть, здесь сказывается отсутствие «школы», которая выработывает у прославленных мастеров Грузии изящество и плавность линий, утонченность рисунка. Но изобразительный «принципиализм» не был бы сам по себе недостатком, если бы Сирбиладзе нашел в чеканке свои темы, научился самостоятельно «мыслить в металле». Пока в своих работах в основном он использует готовые литературные образы и сюжеты, а такая иллюстративность рождает вторичность в искусстве.

Так, трудно и непросто, происходит «новое прращение» молодого художника.

**МЭКАЛА
(фрагмент).**

ПЕЙЗАЖ.

Наталья ДМИТРИЕВА

Наша выставка

«КАК ЭТО ПРОИСХОДИТ»

Кан это происходит? Любовь и природа, любовь и родному городу, любовь и людям — вот откуда происходит искусство, — рассказывала замечательная художница Владимир Андреевич Фаворский. И эти его слова очень соответствуют то, что мы увидели в работах молодого грузинского художника Буду Сирбиладзе на выставке «Смерны». Пока это первые шаги. Проба своих сил в разных видах изобразительного искусства: живопись, чеканка... И еще неизвестно, чему будет отдано предпочтение, что поведет Буду Сирбиладзе наиболее полно выплести себя, свою любовь и инстинкты, к людям и природе. В живописи заметно

его стремление свободно, по-своему мыслить; в чеканке Буду увлечен материалом, с которым он работает, техникой (его никто не учил премудростям чеканки, но, быть может, способность к художественной обработке металла — просто национальная черта характера...).

Картины Сирбиладзе объединяет полнокровное ощущение жизни. Его пейзажи бесположны, в них чувствуется какой-то, иногда неожиданный взрывной силы ритм. Это как дремлющий вулкан — горы и рени Кавказа. Все в этом мире для художника живо. И даже высохший ветвистый сум, на котором деревенские жители развешивают домашнюю утварь

НАТЮРМОРТ. ПЕСНЯ (чеканка).

